

18+

роман
РОБИН КАЭРИ

СЕКРЕТ КУПИДОНА

ЧАС КУПИДОНА. ЧАСТЬ I

Робин Каэри

Час Купидона. Часть

I. Секрет Купидона

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68312927
ISBN 9785005908087*

Аннотация

В Лувре никогда ещё не было подобного! И это не просто кражи или убийства, о нет! Кто-то остановил практически все часы в королевском дворце. Дворцовая стража в замешательстве – кому пришло в голову подшутить столь странным образом? Да и шутки ли это? А нет ли скрытого умысла в том, что стрелки замерли именно в четыре часа, в так называемый Час Купидона? Так что же это – Час Купидона – шуточный розыгрыш или мистический ритуал? Действие романа происходит в апреле 1654 года во Франции, в Париже.

Содержание

Час Купидона. I часть. Секрет Купидона	5
Пролог. Часть 1. Утро без времени	5
Пролог. Часть 2. Королевский Совет	22
Глава 1. Король в засаде	35
Глава 2. Чуть не попался	49
Глава 3. Потерпевшие фиаско	61
Глава 4. Ранний визит к королю	74
Глава 5. Пажи в ночном карауле	88
Глава 6. Тревоги королевы	94
Глава 7. Лабиринты Лувра и золотой песок	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Час Купидона. Часть I. Секрет Купидона Робин Каэри

Dominique Leostelle *Дизайнер обложки*

© Робин Каэри, 2024

© Dominique Leostelle, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0059-0808-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0059-0809-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Час Купидона. I часть.

Секрет Купидона

Пролог. Часть 1. Утро без времени

Утро. Первая неделя апреля.

Лувр, королевские покои

В час, когда предрассветные сумерки сменил утренний свет, окрестности Лувра огласило эхо необычного дуэта. Надрывный и отчаянный рёв раздавался в унисон с громкой бранью.

– Ну же! Вперёд! Давай же, упрямая ты скотина!

В тёмно-фиолетовом бархате небосвода медленно угасало холодное мерцание звёзд, уступая нежно-розовому всполоху зари. Первые лучи начавшегося рассвета украсили яркими бликами позолоченные навершия дворцовых крыш и медную облицовку высоких печных труб. Во внутреннем каре дворца всё ещё царила темнота, и свет чадившего факела освещал небольшой пятачок под аркой ворот, в которых намертво застряла нагруженная до отказа повозка.

– Паршивец! Бестолковое животное! Даже кожевнику на ремни тебя не продашь! Ну же! Двигай, тебе говорю!

Эти увещевания вместе с руганью разносились громким эхом, сливаясь в унисон с громким рёвом. Нарушителем покоя обитателей королевского дворца оказался прославленный в веках не за ум, а за упрямство, неблагородный и, если верить громким понуканиям хозяина, крайне неблагодарный скот. Осёл. По причине, вряд ли известной даже ему самому, он решил проявить характер и встал под аркой ворот, не желая ни на шаг сдвинуться с места.

Рёв упрямого осла и крики его отчаявшегося хозяина подняли на ноги почти всех обитателей покоев, чьи окна выходили во двор. В том числе этот гвалт заставил переполошиться и заспанных гвардейцев, чья кордегардия находилась рядом с парадным вестибюлем. Поднятый ими шум привлёк в свою очередь любопытство прислуги, сновавшей по коридорам в гонке со временем, чтобы успеть выполнить свои утренние обязанности.

И, наконец, громкий переполох докатился до слуха первого камердинера Его величества, разбудив его. Дивясь тому, что он так и не услышал мелодичный бой колокольчиков на часах в королевских покоях, Бонтан моментально поднялся с кровати, не удосужившись проверить время по карманным часам. Они так и остались лежать на столике у изголовья.

Утренний свет пробивался сквозь щели в оконных ставнях и выжигал яркие полосы на стене, освещая вихревые столбики кружившихся пылинок. Некоторое время, пока

солнце ещё не поднялось над крышами зданий напротив, вся комната утопала в золотисто-розовом сиянии предрассветной зари, и даже тень в глухом углу обрела тёплый карамельный цвет.

Дверь с тихим скрипом приотворилась. На пороге, отчаянно зевая и потирая занемевшую шею, стоял камердинер Его величества – господин Бонтан. На его усталом лице были заметны все признаки плохого сна. И тому были весо-
мые причины. Ведь он провёл, пожалуй, самую беспокой-
ную и тревожную ночь за последние несколько месяцев. То ему чудилось, что кто-то пристально следил за ним из угла его комнаты, то слышался шорох крадущихся шагов. По-
среди ночи Бонтан проснулся от странного звука, похожего на плеск воды. Это уже было чересчур! Вскочив со своей по-
ходной кушетки, он накинул на плечи шерстяное покрывало и, поёживаясь от ночного холода, босой, не надевая туфли, прошёл в королевские покои. После тщательного осмотра Бонтан убедился, что в опочивальне, кроме него и Людовика, мирно спавшего в постели, скрытой за плотными занавесями, не было никого.

И вот, разбуженный из-за шума поднятой суеты и топота бегущих ног в коридоре для прислуги, Бонтан первым же делом заглянул в королевскую опочивальню. Мутным ещё спросонья взглядом он оглядел привычную обстановку и, не найдя ничего опасного для здоровья и покоя короля, при-
слушался к шуму, доносившемуся снаружи, несмотря на за-

пертые ставни окон. Раздвинув ставни, он зажмурился от яркого утреннего света и, прикрыв глаза ладонью, открыл обе створки окна.

В комнату тут же ворвался поток свежего воздуха, неся с собой прохладный апрельский ветерок, а с ним и шум городской суеты, и неистовый рёв осла, и грубую ругань его хозяина.

– Эгей, месье Бонтан! Смотрите-ка, настоящий осёл застрял в воротах Лувра! – раздался звонкий мальчишеский голос слева от окна королевской опочивальни. Бонтан, недовольный, что его застигли за неподобающим любопытством, оглянулся и увидел Филиппа герцога Анжуйского, высунувшегося по пояс в окно.

– Немедленно вернитесь в комнату, ваше высочество! – послышался строгий голос господина Ла Порта, камердинера младшего брата короля, и мальчик в ту же секунду исчез за белоснежными драпировками гардин.

– Немедленно прекратите этот гвалт, господа! В своём ли вы уме, что позволяете глупой скотине реветь под окнами?

На этот раз возмущенный выкрик донёсся с верхнего этажа. Задрав голову, Бонтан увидел развевавшуюся на ветру шевелюру и длинный кончик ночного колпака. Сомнений и быть не могло, то был мэтр Огюстен, профессор классической поэзии, обучавший короля и герцога Анжуйского сочинительству и литературе, ведь это его комната находилась прямо над покоями Людовика.

– Господин Бонтан, это вы? – заметив появление камердинера, выкрикнул профессор, не меняя тон. – Что делаете! Вы только посмотрите на это безобразие!

– Да, мэтр Огюстен, – пробормотал в ответ Бонтан.

Неловко улыбнувшись, он поспешил скрыться из виду, чтобы ненароком не услышать вопросы, отвечать на которые он не стал бы, не спросив прежде мнение самого короля. Мало ли, какие планы могли зародиться в голове Людовика в это славное утро, Бонтан предпочитал знать только о том, что касалось непосредственно его службы. Он каждый раз напоминал об этом учителям и советникам юного короля, а также всем случайным доброхотам. А те, в свою очередь, не гнушались забывать об этом личном правиле первого камердинера, вновь и вновь расспрашивая его в надежде вывести всё о настроении и планах стремительно взрослевшего короля.

– Вот же упрямое создание, и сколько ж у него сил ещё? А ну, как и вовсе не прекратит реветь? – бормотал вполголоса Бонтан.

Вопреки заведённому порядку оставлять окно открытым на всё утро, он захлопнул обе створки, надеясь, что громкий рёв понукаемого животного и крики хозяина не будут слышны в комнате. Глядя на тщетные попытки присоединившихся к погонщику дворцовых слуг заставить осла двигаться, Бонтан скептически хмыкнул и вернулся в свою комнату, чтобы привести себя в порядок прежде, чем приступить

к исполнению службы.

Должность первого камердинера давала особые привилегии, а вместе с ними, конечно же, налагала серьёзные обязанности. Так, каждый вечер именно месье Бонтан выходил из спальни короля последним, но только после того, как были тщательно осмотрены щеколды на оконных ставнях и проверено, истлели ли последние угольки в камине, прежде чем закрыть заслонку дымохода на ночь. Внимательно обследовав каждый угол комнаты, Бонтан оставлял кружку с водой на ночном столике, желал Его величеству спокойной ночи и задёргивал полог постели. Поутру он же первым входил в королевскую опочивальню для того, чтобы разбудить короля. И каждый раз, раздвигая занавес полога над постелью, Бонтан извинялся за прерванный сон, желал Его величеству доброго утра и сообщал точное время – семь часов.

Вскоре он вернулся из своей комнаты, освежившийся и умытый, с гладко выбритыми щеками, переодетый в серую с синими галунами ливрею камердинера Королевского Дома. Ясным после окончательного пробуждения взором Бонтан осмотрел опочивальню и негромко проворчал при виде цепочки мокрых следов на полу. Осторожно, стараясь не потревожить последние драгоценные минутки утреннего сна юного монарха, он подошёл к двери в ванную комнату и плотно запер её. Видать, какой-то растяпа из дворцовых водоносов принёс свежую воду для питья раньше, чем это требовалось по расписанию службы. При этом бестолковый

слуга изрядно наследил мокрыми башмаками на паркете возле секретера и туалетного столика. Но мало того, по выходу из опочивальни он пролил воду на пол, так ещё и дверь неплотно закрыл!

Исправив огрехи в виде цепочки из лужиц от мокрых следов, Бонтан вернулся к непосредственным обязанностям первого камердинера. Прежде чем будить короля, он каждое утро лично убирал золу из камина и заново разводил огонь, потом ещё раз проверял порядок во всей опочивальне, а кроме того, в кабинете и в ванной комнате. Он сам следил за тем, чтобы горячая вода для умывания и подогретые простыни для растирания после были доставлены в королевскую ванную комнату точно к семи часам.

Не ограничиваясь одним лишь поверхностным осмотром вверенной ему территории, Бонтан выходил из покоев короля и заглядывал в комнату прислуги. Обычно он же посылал гонца в дворцовую кухню с распоряжениями о завтраке. Своей обязанностью он также считал непременно появиться в Большой приёмной. Там он формально сообщал гвардейскому офицеру, стоявшему на посту в карауле и королевскому секретарю, что Его величество готов к пробуждению.

Всё это было издавна заведённой утренней рутиной в покоях французских монархов. И этот порядок никогда не нарушался на протяжении веков, тогда как поколения королей и даже целые династии сменялись на троне. И, хоть далеко не все властители Франции неукоснительно следовали

каждому пункту утреннего расписания, дворяне и прислуга, состоявшие на почётной службе в Королевском Доме, то есть служившие непосредственно королю или членам королевской семьи, жившим в королевском дворце, соблюдали этот порядок с точностью до минуты.

Итак, не торопясь и без лишней суеты, Бонтан принялся за дело. Он присел на корточки возле камина и с помощью щётки выгреб золу, чтобы высыпать её в ведёрко. Покончив с чисткой, он выбрал из горки свежих, ещё пахнущих древесиной и смолой поленьев, что дворцовый истопник принёс накануне, пять наиболее сухих и составил из них аккуратную пирамидку. Дождавшись, когда самое большое полено, положенное в основании пирамиды, занялось пламенем от зажжённого трута, Бонтан поднялся и, тяжело вздыхая, отряхнул колени. Он ещё раз прошёлся щёткой возле невысокой кованой оградки камина, сметая остатки золы и мелких опилок от поленьев. Высыпав всё это в ведёрко, он убрал его с глаз долой, поставив рядом с ящиком для песка в неглубокой нише, спрятанной за декоративной колонной.

Слева от камина, под массивной мраморной полкой стоял невысокий шкафчик, похожий на секретер, но без крышки для письменного стола. За чёрными инкрустированными золотым узором створками скрывался ряд выдвижных полок. В одной из них хранился ящик с обрезками тканей, которыми пользовались при уборке.

В нескольких аккуратных стопках были сложены отре-

зы шёлка для вытирания пыли с лакированной поверхности мебели из красного дерева, целый набор лоскутов атласа и бархата для полировки статуэток и мебельной фурнитуры из бронзы и золота, а кроме того, тонкая тряпица из замши для мытья стёкол. На той же полке в строгом порядке располагались щётки, ёршики и всевозможный мелкий инструмент для срочной починки мебели в случае, если не требовалось привлекать специальных мастеров. Всё хранилось в идеальном порядке. За исключением маленькой коробочки в самом дальнем углу, где втайне от всех Людовик прятал личные сокровища. Он справедливо рассудил, что мало кто догадался бы искать записочки и памятные, имевшие значение только для него одного, вещицы там же, где хранились щётки, инструменты и ветошь для уборки.

Усмехнувшись, глядя на хитроумно спрятанный от чужих глаз тайник с мальчишескими сокровищами, Бонтан заботливо прикрыл его парчовой тряпицей и задвинул подальше вглубь, чтобы ненароком не привлечь чьё-либо случайное любопытство. Выбрав из множества лоскутов отрез замши, годившийся для мытья стёкол, он аккуратно, почти бесшумно, задвинул на место полку и закрыл обе створки шкафчика.

По его расчетам, до подъёма Его величества оставалось ещё немного времени, и Бонтан намеревался потратить эти минуты с пользой. Он взял с полки небольшую медную кружку, набрал в неё немного воды из кувшина и отхлебнул

такой большой глоток, что щеки у него раздулись до гротескных размеров. Затем он громко фыркнул, выплеснув брызги воды прямо на зеркало, стоявшее на туалетном столике. Оно успело изрядно помутнеть от свечной копоти и пыли, и давно уже требовало внимания к себе. Раздался тонкий, похожий на детский визг звук, когда Бонтан провёл бархатной тканью по мокрой поверхности зеркала, начищая его с особым тщанием, чтобы вернуть ему первозданный блеск.

Несколькими минутами позже он отступил на шаг, чтобы оценить результат, и довольный, потирая и встряхивая руки, вернулся к каминной полке. Уже давно следовало почистить стекло на циферблате часов, которые с незапамятных времён украшали королевскую опочивальню.

Эти часы были настоящим произведением ювелирного искусства. Круглый циферблат с отлитыми из золота цифрами и золотыми стрелками закрывало стекло в позолоченной раме в виде венка из веток дуба и лавра. Корпус часов держался на золотом постаменте, а рядом с ним красовалась целая скульптурная композиция из позолоченных фигур, отлитых из бронзы. Юноша с венком на голове и в коротком плаще, который развевался у него за плечами, управлял квадригой лошадей, запряженных в колесницу. Величественная поза, идеальное телосложение атлета и красивые правильные черты лица – эта скульптура, должно быть, изображала самого древнегреческого бога Аполлона.

С благоговейным почтением к древнему божеству, Бон-

тан протёр каждую фигурку в скульптурной композиции, начиная с лошадей и колесницы, затем перейдя к постаменту, циферблату и венку, украшавшему раму часов. И, только вернув им идеальный блеск, он переключил своё внимание на фигуру возницы.

Что-то несуразное, чего не должно было там быть, то и дело отвлекало взгляд Бонтана, мешая сосредоточиться на работе. Занятый полировкой правой руки Аполлона, державшей тонкий ремешок поводьев, Бонтан в очередной раз скосил взгляд, чтобы посмотреть на циферблат. Он мельком глянул на неподвижные стрелки часов и снова вернулся к фигуре божества, как вдруг почувствовал холодок, пронявший его от затылка и до самых пят.

– Да нет же! Показалось, – попытался он успокоить самого себя, и ещё раз взглянул на часы. Всё как всегда: лошади стремительно мчали колесницу, возница в развевающемся плаще. Венки рамы часов и стекло над циферблатом блестели в своём первозданном виде... и золотые стрелки под стеклом стояли себе... и...

– Мать божия! Что же это? – Бонтан услышал собственный голос, немного осипший от долгого молчания, но это тихое восклицание показалось ему чужим и пугающим. Он обернулся. Из постели, за плотно задёрнутым пологом, по-прежнему раздавалось безмятежное тихое дыхание спавшего Людовика. Бонтан замер, глядя на часы так пристально, словно от того всё, что ему привиделось, могло испариться,

подобно наваждению, или закончиться, как кошмарный сон. Несколько секунд он пытался разглядеть сквозь стекло, затуманенное его горячим дыханием, куда же указывали замершие на одном месте стрелки. Это были цифры четыре и двенадцать. Стрелки часов показывали на четыре утра и не двигались в течение долгого времени, всего утра или даже вечера, или, что хуже, целого дня.

– Божечки же мой! – воскликнул Бонтан чуть ли не во весь голос.

Он швырнул замшевый лоскут на стол и побежал в кабинет, а оттуда устремился в Большую приёмную. У дверей в королевские покои уже собирались разрозненные группы людей разного ранга и сословий. Среди них были и обычные придворные, завсегдатаи дворцовых приёмных, и те, кого во дворец привели дела разной степени срочности и важности. Стараясь не привлечь ничьё внимание, Бонтан с сосредоточенным и крайне суровым выражением лица прошёл напрямик через толпу к офицеру, командовавшему стоявшими в то утро в карауле королевскими гвардейцами.

– Господа, немедленно пошлите за дворцовым часовщиком, – приказал он и, недовольно насупив брови, искоса глянул на притихшую публику, мгновенно ловя на себе любопытные взгляды.

– Но, королевский ювелир отбыл в Геную вместе с послом, – не замедлил вступить в этот разговор секретарь.

– Ну, так пошлите кого-нибудь в Марэ! Пусть приведут

любого часовщика! Впрочем, пусть позовут самого Морани. Он ювелир и у него лавка в Марэ. Он лучший, – настаивал Бонтан. – И бога ради! Найдите управу на того осла.

– Какого осла? – недоуменный вопрос секретаря ещё больше возмутил камердинера Его величества.

– Как это, какого осла? Того, что всё утро ревёт во внутреннем дворе. Безобразие! – воскликнул Бонтан, но немного остыв, замолчал и покосился на удивлённые лица стражников порядка. – И, всё-таки, справедливости ради, не позволяйте наказывать бедное животное палкой. Ведь только благодаря его рёву, мы не проспали это утро окончательно.

Тон речи королевского камердинера, а ещё больше, его волнение вселили смятение в душе секретаря. Он дал знак гвардейцам, и один из них побежал к двери в служебный коридор.

Бонтан задумчиво потёр подбородок и отошёл в сторону. Он сделал несколько шагов, делая вид, что прогуливается, дожидаясь кого-то, и при этом не переставал издали бросать взгляды на большие часы у стены напротив королевских покоев. Увидев час, на который указывали стрелки, королевский камердинер горестно ахнул, заставив всех в зале обернуться. Тут же послышался обеспокоенный шёпот.

Время, судя по яркому свету за окнами дворца и по тому, сколько народу собралось в Большой приёмной, было далеко не семь утра. И даже не половина восьмого. Но стрелки на часах, что в королевских покоях, что в приёмной показы-

вали на четыре утра. Или дня. Неважно, но и в том, и в другом случае это грозило катастрофой для распорядка дня всего двора.

– Ай, божечки ж! – только и смог выговорить камердинер и бегом вернулся в королевские покои.

Там он чуть ли не с порога, не дожидаясь, когда караульный закроет за ним двери, громко прокричал:

– Вставайте, Сир! Утро давно уже.

Глухое мычание было обычной реакцией. И в этом ответе Людовик, как и всегда, выражал мольбу хоть разочек остаться в постели подольше.

– Доброе утро, Сир! Мне очень жаль, но пора подниматься, – на этот раз Бонтан взял себя в руки и произнёс обычные слова утреннего приветствия. – Правда, сейчас далеко не семь утра. На часах наверняка уже больше половины восьмого! Да что там, уже восемь! Девятый час, Сир!

– Бонтан! Я прекрасно услышал, что не семь, – прервал его Людовик и взъерошенный высунулся из-за полога. Жмурясь от яркого утреннего света, он встряхнул шевелюрой, падавшей на глаза, и недовольно насупился. В этот момент он был похож на молодого льва с густой гривой тёмно-каштановых волос, в солнечном свете отливавших золотом.

– Доброго вам утра, Ваше величество!

– О, вы самый жестокий вестник, господин Бонтан!

И вместо того, чтобы вылезти из постели, Людовик откинулся на спину. Закинув руки за голову, он продолжал пря-

таться от солнечного света в тени занавесей.

– Осмелюсь напомнить вам, Сир, что на восемь утра у вас назначен урок с господином Огюстеном, – Бонтан не прекращал начатые им попытки поднять короля и резким движением раздвинул занавеси полога, лишив Его величество возможности скрываться в тени. – Надеюсь, вы подготовились к диктанту по Эзоповым басням, Сир? Я слышал, что мэтр Огюстен задал их вам в прошлый раз.

– О, – простонал Людовик, на этот раз из-за напоминания о долгих часах занятий латынью с самым въедливым и дошным профессором из всех, кто преподавал в Сорбонне.

Но он, всё-таки, заставил себя оторваться от подушек, сел на постели и обратил полный печали взгляд на часы на каминной полке. При виде стрелок, которые указывали ровно четыре часа, он негромко хмыкнул и лукаво прищурился, посмотрев на Бонтана.

– Что это? Я вижу, что часы показывают четыре утра. Что это значит? Уж не вздумалось ли вам разыгрывать меня?

– Никак нет, Сир! Это часы. Они встали. Что-то случилось с механизмом, – ответил Бонтан и протянул просторный шёлковый халат. – Я уже распорядился, чтобы вызвали часовых дел мастера.

– Вы уверены? Они точно встали? – спросил Людовик.

Он зябко выпростал из-под одеяла длинные, по-мальчишески худые ноги и, спрыгнув на пол, угодил босыми ступнями в густой ворс персидского ковра, даже не успев почув-

ствовать холод.

– Увы, Сир. Взгляните сами и убедитесь, – Бонтан показал на окна. – Солнце уже высоко. Сейчас, должно быть, восемь утра, не меньше. А часы и, правда, стоят.

Принимая неизбежность очередного утра и всего, что ждало его в тот день, Людовик с обречённым видом вытянул руки. Он без сопротивления предоставил себя заботам Бонтана, чтобы тот лепил из него образ монарха, подобающий августейшему титулу и распорядку конкретного дня. Всё, как было заведено испокон веков, всё сообразно каждому пункту правил королевской жизни.

– Спасибо, Бонтан, дальше я сам. Ступайте и распорядитесь, чтобы принесли святые дары и молитвенник. Пусть мой духовник явится через двадцать минут. Только не зовите пока ещё господина Огюстена. Латынью и классикой мы займёмся позже.

Потирая озябшие от утренней прохлады плечи и руки, Людовик босиком прошлёпал через комнату. Проходя мимо окна, он на минуту остановился и прислушался. Удивлённо отметив, что ставни были заперты, как и само окно, он раздвинул ставни и распахнул обе створки окна настежь.

– А это что за шум? – Людовик высунулся наружу по самые плечи и громко расхохотался при виде трёх швейцарцев, тщетно пытавшихся сдвинуть с места осла, который упирался изо всех сил и громко ревел. – Вот же умора! Настоящий осёл! Он застрял в воротах Лувра! Вот это анекдот! А я-то

думал, что мне приснилось всё это.

Не переставая смеяться, Людовик отошёл от окна. Взмахом головы он откинул назад длинные пряди волос и ещё плотнее запахнул халат, после чего вышел в ванную комнату.

Пролог. Часть 2. Королевский Совет

Утро. Первая неделя апреля.

Лувр, Зал Королевского Совета

Шум толпы смолк в мгновение ока, как только за спиной герцога де Невилья захлопнулись тяжёлые дубовые двери зала заседаний Королевского Совета. Постояв с минуту у порога, герцог вынул из-за рукава камзола большой платок, обшитый дорогим кружевом, неторопливо вытер им лоб и виски, после чего глубоко выдохнул и оглядел присутствующих. За громоздким овальным столом, занимавшим всю центральную часть зала, уже сидели несколько человек из числа министров, интендантов и советников, но кресла самого короля и королевы во главе стола пустовали.

– Мой дорогой герцог, проходите же! И нет, вы не опоздали! – маршал де Грамон с широкой улыбкой показал на пустые стулья рядом с собой. – Вас тоже одурачили эти шутки с часами?

– Не то слово, дорогой Грамон! Не то слово! Оболванили!

Вынужденный признать себя сбитым с толку, де Невиль позволил бы себе ещё несколько цветистых выражений, но сдержался, чтобы не дать повода для колких шуточек де Грамона. Тихо бормоча проклятия в адрес неизвестных злодеев, он уселся на обычное место за столом, оказавшись на-

против герцога де Грамона и прямо лицом к лицу с герцогом де Креки.

– Как это странно. Я слышал, что нынче утром остановились часы в личных покоях короля. А также в Большой приёмной, – проговорил де Грамон, задумчиво потирая подбородок. – Что вы об этом скажете, милейший герцог? – обратился он к де Креки.

Обычно живое и выразительное лицо дипломата в это утро выглядело бледным и застывшим, подобно маске. Не поворачивая головы, сухо и с нарочитым спокойствием он ответил де Грамону:

– Совпадение, да и только. Всё это не стоит внимания и не является темой, заслуживающей отдельного обсуждения в Королевском Совете.

– Да как же! Ведь это не первый случай за три дня, – не прекращал свои рассуждения де Грамон. – Совпадения ли? Может быть, это чей-то преднамеренный розыгрыш? А может, чего хуже, за этим кроются чьи-то злонамеренные интриги. Узнать бы, кому и зачем это понадобилось. А вы что думаете по этому поводу, монсеньор кардинал?

Сразу несколько человек прекратили тихие разговоры и одновременно повернулись в сторону кардинала Мазарини, который занимал почётное место во главе стола на противоположном краю от кресел короля и королевы. В воцарившейся тишине сановники и министры с вопросительным ожиданием, написанным на их лицах, воззрились на карди-

нала.

– Простите, что вы только что спросили, любезный герцог?

Оторвавшись от чтения, Мазарини положил перед собой письмо с донесением и посмотрел на де Грамона. Он прекрасно слышал весь разговор и, к тому же знал, о чём говорили во дворце вот уже три дня, и, конечно же, был в курсе происходящего. Но вместо того, чтобы удивлять остальных скоропалительными догадками, кардинал предпочёл сделать вид, будто всё время был погружён в изучение сводок, доставленных ему из Фландрии, и прежде, чем отвечать самому, послушать, какие соображения высказывали по поводу внезапной остановки часов в разных частях дворца другие сановники.

– Не кажется ли вам, монсеньор, что за всем этим стоит чей-то преднамеренный умысел?

Де Грамон не счёл для себя зазорным уточнить вопрос и с насмешливым прищуром смотрел на кардинала. Ему было любопытно и интересно узнать мнение Мазарини. Не общие фразы, которые хитрый сицилиец сформулирует в качестве дипломатичной отговорки, а то, о чём тот предпочитал умолчать, оставив его при себе в качестве козырного туза в рукаве.

Тяжёлые двери снова распахнулись, и в зал заседаний вошли несколько высокопоставленных вельмож из числа королевских советников, занимавших высокие должности при

дворе. Среди них появился и обер-камергер королевского двора граф Франсуа Онора де Бовилье де Сент-Эньян, а следом за ним – секретарь по иностранным делам господин Юг де Лионн маркиз де Френ сеньор де Берни. Едва только эти почтенные господа успели занять пустовавшие стулья за овальным столом, как дежуривший у входа гвардеец широко распахнул обе створки дверей и громко, раскатистым басом объявил:

– Её величество, королева Анна Австрийская!

На лицах придворных сановников и советников отразилось скорее удивление, нежели почтение к вошедшей августейшей особе. Ещё бы, в последнее время королева не считала необходимым почтить своим присутствием заседания Королевского Совета. Обычно она принимала отчёты о текущих государственных и придворных делах лично от Мазарини и других министров, когда те являлись с докладом в её покои.

Вместе с королевой в зал вошли и две её статс-дамы – госпожа Франсуаза де Берто де Моттвиль и герцогиня Мари-Луиза де Ланнуа. Они, как две тени, прошли следом за королевой и заняли места на низеньких табуретах позади её кресла.

Незамеченный никем, вслед за дамами в зал проскользнул непримечательного вида молодой человек, напоминавший зверька вроде белки из-за заостренных черт продолговатого лица и чёрных, похожих на буравчики, глаз. Это был, пока ещё малоизвестный в придворных кругах, госпо-

дин Никола Фуке, с недавних пор известный как виконт де Во. По рекомендации самого кардинала он получил должность интенданта финансов. Виконт как раз успел переступить порог и сделать несколько крадущихся шагов за спинами у советников за мгновение до того, как захлопнулись двери зала заседаний Королевского Совета. Его тонкие губы растянулись в извиняющейся улыбке. Стараясь не обращать на себя внимание вельможных советников, Фуке всё той же неуверенной походкой обошёл вокруг стола и застыл за спиной у Мазарини.

— Господа, доброе утро! — Анна Австрийская величественно подняла правую руку, адресуя этот приветственный жест ко всем собравшимся.

Министры и советники, уже поднялись со своих мест. Все они низко склонились в ответ на приветствие королевы. Дождавшись, когда Её величество заняла кресло во главе стола справа от пустовавшего королевского кресла, все расселись по местам в соответствии со строгим порядком, заведённым при королевском дворе, и сообразно титулам и рангам в Королевском Совете. Мазарини обернулся к Фуке и коротким жестом разрешил ему воспользоваться скамеечкой, которая стояла в глубине оконной ниши. Молодой интендант с поспешностью занял указанное ему место, сев рядом с пожилым человеком, дремавшим там уже долгое время. Это был господин Сегье, с незапамятных времён занимавший должность Государственного Канцлера. Его мнение в Королев-

ском Совете давно утратило важность, а голос не имел весомого значения при принятии решений на государственном уровне, но его личное присутствие по-прежнему было необходимым для соблюдения формальностей и в соответствии с регламентом проведения заседаний.

– Господа, я жду ваши отчёты. Но, прежде всего, я желаю знать, кто несёт ответственность за состояние дворцового имущества? – заговорила королева и вопросительно посмотрела на обер-камергера. – Месье де Сент-Эньян! Могли ли я получить от вас внятные разъяснения?

Всего лишь мимолётное облачко удивления омрачило невозмутимое лицо графа и тут же исчезло. Он аккуратно отодвинул стул, выпрямился, расправил плечи и поднялся из-за стола. Вежливо склонив голову, выражая тем самым почтение к королеве, он заговорил с безупречной невозмутимостью.

– Назовите причины для беспокойства, Ваше величество. И я смогу ответить вам со всей ясностью на все беспокоящие вас вопросы. Исходя из того, что известно мне самому.

Наблюдавшие за ним де Невиль и де Грамон переглянулись. В прищуренных глазах де Грамона блеснула весёлая усмешка, тогда как де Невиль быстро поднял к лицу платок, чтобы спрятать за пышными кружевами снисходительную ухмылку. Талант де Сент-Эньяна – не терять лицо ни при каких обстоятельствах – давно уже стал притчей в языцах в кулуарах дворца.

– Объясните же мне, граф, что произошло с дворцовыми часами? – потребовала королева и слегка смягчила тон. – На днях, не далее как вчера утром, я едва дождалась свой горячий бульон к завтраку. А уж о том, что мой духовник отец Монтегю задержался к утренней мессе, и говорить не желаю. Это невозможно, сударь! Часы в моих покоях! Они не оставались ни на минуту с того самого дня, как моя нога переступила порог Лувра! И вот же!

– Мадам! – на этот раз обычное спокойствие изменило обер-камергеру. Он даже отступил на шаг от стола, позволив себе при этом отодвинуть стул, что произвело грохот, от которого вздрогнули несколько сановных вельмож, придя в себя после неглубокой дрёмы. Достав широкий батистовый платок, граф провёл им по лбу и вискам, тщательно вытирая поступившую испарину.

– Ваше величество, вынужден признаться, я не ожидал, что последствия этой шутки перейдут все мыслимые границы приличий, – произнёс он срывающимся от волнения голосом.

– Шутки? Вы называете это шуткой? Сударь, это невозможно терпеть! Это вандализм! Сущее варварство, вот что это! – почти прокричала ему в ответ королева.

– Ваше величество, вы бесконечно правы, и я не могу не согласиться с вами, – это деликатное вмешательство Мазарини прервало бурный монолог Анны Австрийской, пока её речь не превратилась в скандальный выговор всеми ува-

жаемому обер-камергеру. – Не поручите ли вы господину де Сент-Эньяну взять ход расследования этого инцидента под свой личный контроль? – вкрадчивым тоном поинтересовался Мазарини.

– Вы полагаете, господин кардинал? – немного смягчившись, Анна Австрийская качнула головой, сжала ярко-алые губы и с согласием кивнула. Выказать при этом величественное спокойствие ей удалось не без помощи обаятельной улыбки, особенного магнетизма взгляда карих глаз и бархатного тембра голоса, обращавшегося к ней одной первого министра.

– Я предприму все надлежащие меры, Ваше величество, – коротко пообещал де Сент-Эньян и бросил быстрый взгляд в сторону Мазарини, без слов поблагодарив его за вмешательство.

– Не могли бы вы указать, где именно остановились часы? – поинтересовался кардинал, при этом обратившись сразу ко всем собравшимся за столом советникам.

Всеобщее бурление и поднявшийся гул голосов вновь прервал властный и требовательный голос самой королевы.

– Вы можете уточнить у гофмейстерины моего двора, монсеньор, – ответила она и переглянулась с мадам де Ланнуа. – Впрочем, это несложно. Сегодня утром часы остановились в одной из моих личных комнат в моих покоях, а также в дворцовом буфете. Кроме того, уже третий день напольные часы в Большой галерее показывают одно и то же время –

ровно четыре часа. И добавьте к их числу также часы с боем в галерее возле дворцовой часовни.

– С позволения Вашего величества, должен огорчить вас, но с сегодняшнего утра этот список можно дополнить. Встали часы в Большой приёмной, а также золотые часы Аполлона в личных покоях Его величества, – вставил свои пять су де Грамон. – Не считает ли Ваше величество, что список довольно впечатляющий, чтобы считать эти факты простым совпадением?

– Господин обер-камергер проведёт расследование. Не так ли? – подытожил кардинал и оглядел увлѣкшихся рассуждениями между собой министров и советников. – Ну что же, – он поставил локти на стол и свѣл кончики пальцев вместе перед собой. – Ваше величество, господа, теперь мы можем приступить к докладам по текущим государственным делам, не так ли?

В ответ королева резко повела плечом, недовольно качнула головой и обернулась к мадам де Ланнуа. Та кивнула, но продолжала молча смотреть перед собой, ничем не проявляя свою заинтересованность или причастность к происходящему.

– Я думаю, что для господина де Сент-Эньяна будет нелишней помощь вашего крестника, мадам. Пригласите во дворец маркиза дю Плесси-Бельера.

Эти слова королевы вызвали неоднозначный резонанс среди советников. Де Грамон ехидно хмыкнул, возведя очи

горе, де Креки переглянулся с ним со скептическим видом, поджав губы в тонкую полоску. Де Невиль тяжело вздохнул и покосился в сторону окна, которое выходило во внутренний двор, откуда доносился цокот конских копыт и грохот колёс подъезжающих карет.

Мазарини с интересом наблюдал за реакцией в Королевском Совете и не спешил показать своё отношение к выдвижению молодого и, по мнению многих, неопытного дю Плесси-Бельера. Пожелание королевы стало неожиданно и для него самого.

– Стоит ли назначать человека, едва знакомого с дворцовыми порядками, Ваше величество? – выразил общее настроение Юг де Лионн. – Маркиз зарекомендовал себя, как достойный всяческих похвал офицер – это так. Но и только, смею заметить.

– На мой взгляд, дю Плесси-Бельер провёл достаточно времени при дворе, чтобы узнать о здешних порядках. К тому же, он начинал службу с Корпуса Королевских Пажей, прежде чем уехал в Италию на войну с испанцами. Теперь я желаю дать этому молодому дворянину возможность проявить себя на придворной службе, – парировала королева и с вызовом в блестящих глазах посмотрела на Мазарини, единственного в Королевском Совете, чьё мнение представляло значимый вес для неё.

– А почему бы и нет? – тихий голос кардинала заставил всех прислушаться к его словам и пресёк волнение, подняв-

шея в зале заседаний. — Молодой дю Плесси-Бельер обладает энергией и живостью характера. А если к этому добавить опыт и влияние господина обер-камергера, то выйдет весьма сильный, я бы сказал, мощный дуэт.

— Но как же гвардия? — не удержался от возражений герцог де Креки. — Почему бы не предложить взяться за это дело тому, у кого больше опыта? Тому, кого мы все хорошо знаем? Тот же капитан де Вард. Он проявил себя весьма деятельным офицером на службе Его величества. И, замечу, он также лично принимал участие в военных действиях, а не в качестве какого-то там курьера. И, кроме того, он признанный мастер решения деликатных вопросов.

Эти слова вновь всколыхнули противоречивые настроения среди собравшихся советников, и затихшие ненадолго пересуды возобновились с большей энергией, пока их не прервал тихий голос мадам де Ланнуа.

— Не вижу причин, отчего и полковник, и капитан вместе не могут помогать господину обер-камергеру, — проговорила почтенная герцогиня, обращаясь, скорее, к себе самой, но её голос был услышан всеми, и, прежде всего, королевой. Она тут же кивнула, поблагодарив за поддержку, и обратилась ко всем:

— Я согласна, господа. Герцогиня высказала очень дельную мысль. А почему бы и нет? Граф, я поручаю вам найти виновника и расследовать это дело со всем тщанием. Господа дю Плесси-Бельер и де Вард поступают в ваше распоря-

жение. Мадам де Ланнуа, предупредите полковника от моего имени. Господин де Креки, – в зелёных глазах Анны Австрийской блеснули огоньки вызова, когда она обратилась к герцогу, смотревшему на неё с надменным выражением лица. – Я полагаю, вы не откажете мне в любезности передать соответствующий приказ капитану? На этом и решим! А теперь, господа, что у нас с текущими делами?

Принятое поручение озадачило де Сент-Эньяна. И не его одного. Несмотря на объявленное во всеуслышание распоряжение королевы, не все советники пожелали согласиться с тем, что неизвестный молодой человек только что с лёгкостью получил назначение на одну из самых важных позиций при дворе.

– А этот дю Плесси-Бельер, он не сын маркизы Сюзанны де Брэ? – негромко спросил де Лионн и переглянулся с герцогом де Креки. – Маркиза демонстративно не показывается при дворе вот уже сколько месяцев. А в своём салоне она принимает особ, не удостоенных чести быть представленными ко двору.

– К тому же, в их числе есть и несколько бывших фрондеров, – вставил своё веское слово де Креки.

– И мне достоверно известно, что маркиза бывает на собраниях этих так называемых эпикурейцев, – обронил как бы невзначай герцог де Невиль.

Интендант Фуке, за всё время никак не выдавший своё присутствие в совете, вдруг резко выпрямился и подался

вперёд, явно намереваясь возразить, но кардинал лёгким движением бровей призвал его остановить этот импульсивный порыв.

— Господа, господа! — с заметным южно-итальянским акцентом заговорил Мазарини, отвлекая советников от возобновлённого спора. — Если не ошибаюсь, речь идёт о тех, кому было даровано королевское прощение. Кто мы, чтобы осуждать кого-то, кому уже даровано прощение самим королём? Мадам дю Плесси-Бельер в своём праве. Она может принимать у себя в отеле любого, кому не запрещено находиться в Париже. Даже если эти люди не были представлены ко двору Его величества.

— Я напоминаю ещё раз, господа, — повысив голос, заговорила королева и строго посмотрела на притихших спорщиков. — Отец молодого полковника — маршал Жак де Руже — командует армией Его величества в Италии. И наша армия побеждает!

— Да, наши победные войска уже под Кремоной! — подхватил эту мысль кто-то из советников, лояльных кардиналу, и под торжествующим взглядом Анны Австрийской дальнейшие возражения о назначении дю Плесси-Бельера затихли сами собой.

Глава 1. Король в засаде

Несколько дней спустя. Около четырёх часов ночи. Лувр

Темно и тесно. Не продохнуть, не пошевелиться! Чуланчик для хранения мастики и щёток для натирания паркета меньше всего годился для засады. Долгие томительные часы ожидания изводили охотников, и де Вивонн первым выказал недовольство. Он с громким сопением привстал с перевернутой кадки, на которой просидел уже два часа кряду, и тут же угодил лбом в рукоять щётки, подвешенной на балке под потолком. Людовик с силой дёрнул его за рукав, заставив вернуться в исходное положение, то есть снова сесть на нестерпимо жёсткое дно кадки.

– Тише вы! Если нас обнаружат, то весь план полетит к чертям, и вместе с ним расчеты поймать этого воришку. Тсс! Он появится с минуты на минуту. Молчите, Вивонн! Молчите же!

– Я устал сидеть. У меня ноги затекли. Ещё немного – и я превращусь в деревянный чурбан, – огрызнулся де Вивонн, потирая ушибленный лоб. – Я же говорил, он не явится. Всё эти рассказы про часы – ерунда. И вообще, мы сидим слишком далеко. Отсюда мы ничего не увидим. Надо спрятаться за гардинами, оттуда обзор шире. И сидеть удобнее.

– Да, как же! И нас заметят ещё с порога! – не уступал Людовик.

Вдруг он с силой толкнул Луи-Виктора в бок, а когда тот возмущенно промычал проклятие, закрыл его рот ладонью. Ткнув пальцем в узкий просвет в щели между досками, Людовик указал на промелькнувшую в одно короткое мгновение неясную тень и шепнул в самое ухо графу:

– Замрите, Вивонн! Молчите. Кто-то идёт.

В тишине послышались шаги. Кто-то неторопливо шёл по залу, случайно или со знанием дела, избегая места, где лежали особенно скрипучие половицы паркета.

– Кто это? Вы его видите? – Луи-Виктор подался вперёд, желая прижаться щекой к грубо оструганной деревянной дверце чулана и рассмотреть пришельца сквозь узкую щель между досок.

Но Людовик оттолкнул его ударом в плечо. Он и сам горел желанием взглянуть на ночного вора, который вот уже несколько дней с незаурядной изобретательностью дерзко вторгался во внутренние покои дворца и останавливал стрелки часов. Если что и было похищено при этом, так это дворцовое время. Вот именно этот факт и привлёк интерес Людовика к этому делу. Никогда ещё ему не доводилось слышать, чтобы кто-нибудь решился пойти на такой серьёзный риск только ради того, чтобы в шутку вскрыть механизм часов и остановить ход стрелок.

Забыв про опасность засадить занозу на самом неудоб-

ном, а главное, заметном месте, Людовик прижался щекой к дощатой дверце и посмотрел в щель. Из чуланчика, где они прятались, можно было разглядеть только узкую полосу в правой части зала. Всё, что он успел заметить в ней, был длинный хвост шпаги под плащом незнакомца. Она едва ли не волочилась за ним, так что издали его силуэт напоминал гигантскую мышь, крадущуюся через зал на задних лапах.

– Чёрт, да он же карлик! – раздосадовано шепнул Людовик и отодвинулся от двери, уступив своё место Вивонну.

– Он один? Может, поймаем его? – вопрос де Вивонна был чистой воды формальностью. Не дожидаясь ответа, он со всей силы толкнул дверцу. В тот же миг колокольчики больших напольных часов в дальнем конце зала начали отбивать время – четыре часа. Их мелодичный перезвон заглушил жалобный стон дверных петель, но последовавший затем грохот сорвавшейся с крючка щётки повторился гулким эхом, прокатившимся по всем близлежащим галереям и залам.

Де Вивонн и Людовик вылетели из укрытия. В темноте они не сразу смогли разглядеть фигуру незнакомца, но присмотревшись, увидели, что тот успел забраться с ногами на табурет перед большими напольными часами и протянул руку к крышке позолоченного купола, увенчивавшего массивный корпус часов с циферблатом, закрытым за застеклённой рамой в виде дубового венка. Слышно было, как отворяясь, протяжно пропели давно не знавшие масла петли рамы,

тихо звякнуло стекло, а затем скрипнула отворяемая панель циферблата, за которой скрывался механизм часов. Незнакомец поднял сжатую в кулак руку и что-то просыпал прямо на часы.

До слуха следивших за ним охотников донёсся едва различимый шорох сыпавшегося на пол песка. Но не только это. В следующее мгновение заскрежетали металлические шестерёнки, раздался протяжный стон и резкий щелчок лопнувшей от перенапряжения пружины. Серебряные колокольчики, которые звонко отбивали наступившее время, замолчали, так и не отбив в последний четвёртый раз.

– Я приказываю вам стоять! – выкрикнул Людовик и побежал к незнакомцу. – Ни с места! Не смейте!

Тот резко обернулся, и от этого неловкого движения табурет под ним зашатался. Чтобы не упасть, он попытался удержать баланс, широко раскинул руки, ухватился за гардину и неуклюже потянул за собой. С глухим шорохом тяжёлая парчовая ткань начала оседать, а под её массой с креплений сорвался длинный карниз из литой бронзы. Раздался громкий треск рвущейся ткани. Грохот упавшего карниза за звенящим эхом прокатился по пустому залу и примыкавшим к нему галереям.

– Держите его, Луи-Виктор! Держите! – закричал Людовик. Юркий, как угорь, карлик выскользнул у него из рук и ловко увернулся от повторного захвата.

– Стоять, коротышка! – хриплый голос де Вивонна слился

в смешном дуэте с высоким фальцетом незнакомца.

– Сам коротышка! – выкрикнул тот, едва не попавшись в крепкие тиски рук маркиза, попытавшегося поймать его сзади.

Людовик хотел помочь другу, но в темноте запутался в упавших на пол гардинах и, в довершение беды, споткнулся об обрушенный карниз. С глухими проклятиями и стоном от боли в подвёрнутой лодыжке он пытался высвободиться, когда из темноты послышался двойной вскрик. Зал тут же огласился грубыми площадными ругательствами.

– Дьявол! Чтоб тебя разорвало! Укусил меня, как последний пёс! – де Вивонн потрясал расцарапанным кулаком, указывая в сторону стены. – Сбежал, негодяй! Утёк же!

Его пленник сумел воспользоваться шансом, когда от неожиданного укуса Луи-Виктор ослабил хватку, и выскользнул в сторону. В темноте можно было разглядеть расплывчатый силуэт невысокого человечка со шпагой, торчавшей из-под плаща, как длинный, мышиный хвост. Зрелище оказалось посмешнее тех, что показывают в балаганчиках на ярмарках. Досада и злость сами собой растворились, и в зале раздался громкий залиvistый смех. Незадачливые охотники расхохотались так громко, что не заметили появление отряда гвардейцев.

– Что здесь происходит, господа? Всем стоять на месте! Приказываю именем короля!

Голос, отдавший эту суровую команду, раздался со сторо-

ны Большой галереи. В зал вбежали гвардейцы, которые, судя по франтоватым пучкам фазаньих перьев на шляпах, были из роты под командованием капитана де Варда. Во время ночного обхода дворцовой стражи они слышали шум драки и побежали, подозревая, что виновниками поднятой суматохи могли быть ночные грабители.

– Я сам себе именем! – с недовольством в тоне огрызнулся Людовик. Он выпрямился, отряхивая панталоны, и указал на дальний угол, туда, где в тёмной нише между колоннами скрылся сбежавший с места преступления карлик.

– Живо туда! – приказал де Вивонн, решив воспользоваться эффектом неожиданности, вызванным присутствием самого короля. – Обыщите всё! Окна и двери запереть во всех галереях и залах! Вор прячется где-то там!

– Но как это возможно, Сир? Почему вы здесь? – старший по званию гвардеец подошёл к Людовику, ожидая объяснений, но тот молча указал на часы.

– Чёрт побери! – негромко присвистнул другой гвардеец, первым заметив замершие стрелки часов. – Этот малый и здесь успел побывать. А капитан де Вард, между прочим, заявил, что его следует ждать в апартаментах фрейлин королевы.

– Вот как? Это почему же? Я жду ответов, господа! – теперь уже Людовик смотрел на них, ожидая объяснений.

– Сир, я слышал, что в одном кабачке нашему капитану шепнули что-то по секрету. Будто бы о том, что людям одной

из парижских банд приплатил кто-то, чтобы они проникали во дворец и обчищали шкатулки с драгоценностями в покоях фрейлин королевы. Ничего определенного. Только слухи.

Не обнаружив ни в оконных нишах, ни за гардинами ничего, остальные гвардейцы вернулись ни с чем. Отыскать следы беглеца не удалось, даже когда по приказу Людовика принесли настенные факелы из соседнего коридора. С их помощью осветили все углы, каждую оконную нишу в зале и в прилегающих галереях, но поиски были тщетны.

– Смотрите! Сюда! Я нашёл! – один из гвардейцев махал одной рукой, другой показывая на что-то у себя под ногами. В свете факелов на паркетном узоре тускло поблескивали следы от просыпавшегося песка, которые змеились узкой полоской, протянувшейся от часов в сторону глубокой ниши между декоративными колоннами.

– Что это? Золото? – спросил де Вивонн и присел на корточки.

– Нет, это песок. Скорее всего, пыль для позолоты, – Людовик присмотрелся, куда вёл след. Он заглянул вглубь ниши и осторожно ударил несколько раз костяшками пальцев по стене. Этот стук отозвался изнутри глухим эхом, и это навело его на мысль о пустом пространстве за стеной.

– Всё ясно, господа. Здесь потайной ход. Он ушёл по нему. За ним! Мы ещё успеем догнать его! Надо отыскать вход. Огня! Все сюда! Несите ещё факелы!

Двое гвардейцев побежали за факелами, а де Вивонн вско-

чил и обнажил шпагу, чтобы гнаться за негодяем во всеоружии. Но уже через минуту он с тихим ругательством вложил её в ножны, заметив насмешливые ухмылки.

– Если здесь и есть потайной ход, то поверьте, граф, там очень тесно. Ваша шпага проткнёт кому-нибудь лодыжку, прежде чем вы успеете насадить на неё этого беглеца.

Громкий топот бегущих ног со стороны Большой галереи, заставил всех оглянуться. И на этот раз все гвардейцы, не сговариваясь, как один, обнажили свои шпаги.

На пороге появился запыхавшийся от сильного волнения и бега лакей в синей с серебром ливрее личной свиты королевы.

– Скорее господа гвардейцы! Там... В комнатах! Там... – судорожно набирая воздух, он пытался выговорить внятнее. – В покоях королевы, господа! Там грабители!

Де Вивонн уже сорвался с места в карьер, чтобы бежать на громкие крики «караул», которые слышались из Большой галереи, которая примыкала к покоям королевы.

– Стойте! Луи-Виктор, я приказываю вам! Стойте! – Людовик схватил друга за плечо и с силой рванул назад, чтобы заставить остановиться. – Да стойте же!

Убедившись, что граф не собирался нарушить его приказ, Людовик отпустил его плечо и грозно посмотрел на гвардейцев. Даже в полутьме можно было разглядеть, как сверкнули молнии в его глазах.

– Господа, я запрещаю вам говорить кому бы то ни было

о том, что вы видели нас. Никому. Слышите? Никто во дворце не должен узнать!

– Если это приказ Вашего величества. Как вам будет угодно.

Эти слова не убедили Людовика, и он вплотную приблизился к говорившему, в котором узнал виконта де Роморантена.

– Вы, видимо, не понимаете, что мне угодно, виконт, – тихо произнёс Людовик. – Это не прихоть и не каприз. И если хоть одно слово о нашей встрече, – его глаза угрожающе сверкнули, но де Роморантен поспешил поклониться и с почтением прервал надвигавшуюся грозу:

– Сир, мы всё поняли. Не извольте сомневаться. Мы будем хранить молчание об этой встрече.

Людовик кивнул в ответ и круто развернулся, намереваясь уйти.

– Как? Разве мы не пойдем вместе с ними? Если там поймали того грабителя, так почему бы нам не посмотреть кто он? – спрашивал, догоняя его, Луи-Виктор.

– В данную минуту я, да и вы тоже, должны мирно почивать в своих покоях. Я не желаю, чтобы хоть одна душа сомневалась в этом, – ответил Людовик, отыскивая скрытую за драпировками гардин дверь в служебный коридор. – Если станет известно, что я выходил ночью из своих покоев, то кардинал, по наущению матушки, отдаст приказ усилить охрану во всём дворце. И тогда прощайте ночные вылазки,

игры в репетиционном зале, наше фехтование и тем более прогулки в город. Вы понимаете меня, Вивонн?

– Ага, – буркнул в ответ Луи-Виктор, задетый до глубины души тем, что сам он не догадался о неприятных последствиях огласки ночной встречи с гвардейцами. – Чего ж тут непонятного.

Ничего не добавив к сказанному, Людовик осторожно открыл дверь и указал другу на тёмный зев узкого коридора. Тот молча прошёл вперёд и зашагал, опираясь правой рукой о стену рядом с собой, чтобы не потерять равновесия и не упасть в темноте.

– Ну а тот карлик? Что с ним? Вы думаете, это его поймали?

– Нет. Вряд ли он успел добежать от зала к покоям королевы, к тому же в обход. И ведь мы почти схватили его, когда там уже начался переполох, – поделился своими сообщениями Людовик и остановился перед дверью, к ручке которой была привязана ленточка. Он оставил её перед вылазкой, обозначив вход в гардеробную, которая сообщалась с его покоем.

Провозившись несколько минут с ключами, он отыскал подходящий и открыл замок. Тихонько приоткрыв дверь перед собой, Людовик прошёл первым и шёпотом позвал де Вивонна.

В королевской гардеробной, куда они попали, была крошечная тьма – хоть глаз выколи. Но ориентиром служили

звуки негромкого храпа. Они доносились со стороны комнаты, которую использовал господин Бонтан для ночлега во время квартальных дежурств в королевских покоях.

– Сюда, – шепнул Людовик, но, прежде чем ступить дальше ковровой дорожки, которая заканчивалась в нескольких шагах от двери, он разулся и взял туфли в левую руку.

– Так и что же, – тоже шёпотом продолжил разговор де Вивонн, с трудом снимая с ног тесные туфли с каблучками, необходимыми для удержания стремени во время езды верхом, и с новомодными несоразмерно узкими и длинными носками. – Выходит, что во дворце действуют сразу несколько грабителей?

– Двое или больше. Скорее всего, в апартаментах фрейлин королевы побывал не один вор. Кто-то помогает ему. И этот кто-то – из дворцовой прислуги.

– А тот... Часовой вор?

– Хм, тоже мне, похититель времени... – в голосе Людовика послышалась беззлобная улыбка. – Мне кажется, что он сам по себе. Он действует один.

Шелест ткани, в которую был задрапирован один из манекенов, заставил друзей застыть на месте.

– Берегитесь, Луи-Виктор!

Людовик поспешил предупредить неосторожное движение графа, но в темноте с трудом можно было разглядеть даже собственную ладонь, не то что углы расставленных в хаотичном беспорядке сундуков с бельём или манекены с на-

детьми на них готовыми костюмами. Де Вивонн сделал шаг в сторону, надеясь, что сможет обойти препятствие справа от себя, но наткнулся на острый выступ кованого угла сундука, крышка которого была откинута, да так и оставлена по чьей-то небрежности.

– Чёрт! – выругался он в сердцах, но Людовик снова крепко сжал его плечо, призывая к молчанию.

Оба застыли в страхе, что их могли обнаружить, и просто-напросто замерев на одном месте, несколько минут, чутко прислушиваясь к звукам, которые доносились из комнаты Бонтана. Прошло некоторое время, и наконец глухие ворчания камердинера и скрип кушетки под ним стихли. А ещё через минуту раздалось мерное сопение, которое быстро сменилось басовыми руладами мелодичного храпа.

– Сюда! – отыскав узкий проход между стеллажами с бельём, Людовик достиг двери и тихо, почти не дыша, надавил на ручку, потянув её вниз. Замочная щеколда поддалась напору, и дверь приотворилась, пропустив в крошечную темноту гардеробной тонкую полосу света.

Протиснувшись в узкий проём, Людовик, не мешкая, прошёл в направлении собственной спальни. Де Вивонн, крадучись, следовал за ним по пятам. Ему пришлось раскрыть дверь немного шире, чтобы не застрять из-за своих широких плеч. Конец его шпаги едва не зацепился за ножку табурета. Протяжный скрип дверных петель показался таким пугающе громким, что сердца юных искателей приключений едва

не остановились навек. В следующее мгновение обоим показалось, будто бы заледеневшие от страха их сердца провалились в самый низ животов.

Оказавшись в спальне, Людовик, недолго думая, сразу же подбежал к постели и, скрывшись за пологом, наглухо задёрнул его. Бросив туфли на ковёр, он нырнул под одеяло, как был, одетый, и укрылся до самого подбородка.

Де Вивонн замешкался, не зная, как поступить – вернуться ли в кордегардию своей роты, пройдя обратно по тому же служебному коридору или попытаться выйти через Большую приёмную, в надежде на то, что гвардейцы, стоявшие на посту, сбежались на переполох, поднятый в покоях королевы.

Из комнаты Бонтана послышался скрип кушетки, шарканье надеваемых на босу ногу туфель и недовольное ворчание.

– Забирайтесь под кровать! – скомандовал Людовик, выглянувший из-за полога.

Де Вивонн не замедлил согласиться. Брошенные впопыхах туфли с грохотом упали на пол, звякнули ножны, тихо просвистели, заскользив по гладкому паркету, шёлковые чулки и, наконец, раздался глухой удар и бормотание. Это нога графа со всей силы угодила в столбик, на котором держался высокий полог постели. В последний момент Луи-Виктор успел устроиться в новом укрытии, а Людовик сумел задёрнуть атласный полог, едва не выскользнувший у него из пальцев, как дверь отворилась.

На пороге возник закутавшийся в одеяло Бонтан. В руке он держал светильник в виде фарфоровой площадки с горевшей свечой. Его заспанные глаза ещё не успели привыкнуть к свету, и он, сонно щурясь, передвигался неверным шагом, как будто бы впотьмах. Приблизившись к столу, он задул свечи, догоравшие в ночнике. Не рассчитав мощность, он умудрился погасить и свечу в светильнике, который принёс. Миг, и вся комната погрузилась в непроницаемую тьму.

— Вот же, читают ночами... А потом заснуть толком не могут из-за оставленных свечей, — поворчав, скорее по привычке, чем от досады, Бонтан наощупь отыскал кувшин и проверил наличие в нём воды для питья. Нетронутая кружка так и стояла рядом с кувшином, как он и оставил её с вечера.

Удостоверившись, что всё было в порядке, Бонтан шаркал спадающими с босых ног туфлями в обратном направлении и вышел, захлопнув за собой дверь и заперев её на задвижку. Глухо ударились сброшенные на пол ночные туфли. Вскоре тихое ворчание и скрип кушетки сменились звучным храпом. А в это же время оба искателя приключений, притаившиеся каждый в своём укрытии: один — на перине под жарким одеялом, второй — на полу под кроватью, вздохнули с облегчением. Оба лишь мельком подумали о том, что неплохо было бы изменить это незавидное положение, но оказались настолько вымотанными, что так и уснули, на том же месте.

Глава 2. Чуть не попался

После четырёх часов ночи. Лувр

Запутаться в тёмных и тесных коридорах потайного лабиринта проще некуда. А уж, будучи напуганным, и подавно. Пропетляв наугад в кромешной тьме, ни разу не сверившись с метками, вырезанными в стене рукой доброжелательного или просто предусмотрительного предшественника, Франсуа едва успевал перевести дух. Остановившись, чтобы набрать воздуха и отдышаться, он облокотился на склизкую стену. К своему ужасу, он осознал, что избежав поимки де Вивонном и Людовиком, он угодил в самый худший переплёт за всю свою жизнь. В панике, убегая от погони, он сбился с пути и теперь не знал, в какой части огромного лабиринта потайных коридоров оказался. Найдётся ли выход из этой кромешной темноты и, если всё-таки да, то куда он приведёт?

Несмотря на холод, который царил в потайных коридорах даже в июльские жаркие деньки, когда Париж изнывал от духоты, Франсуа почувствовал, как в глубине души его зарождался жар от панического ужаса. Страх, что он окончательно потерялся и был обречён на вечные скитания в темноте, замурованный заживо в каменном мешке бесконечного лабиринта, пока голод и усталость не доведут его до отчаяния и смерти, едва не поглотил маркиза целиком. Он даже успел

почувствовать отчётливо, как наяву, ледяное прикосновение чьих-то склизких пальцев у себя на шее. Вот они уже вцепились мёртвой хваткой и начали медленно душить его, не позволяя выдохнуть. Ещё секунда, и...

— Только не это! — чуть слышно всхлипнул маркиз и потянул за концы кружевного шарфа на шее, чтобы ослабить бант, едва не затянувшийся в смертельный узел.

Стоило ему представить заплаканное лицо любимой старшей сестрицы Франсуазы, как в глазах защипало. Непрошенная слеза обожгла щёку, скатилась к уголку рта и оставила на губах горько-солёный привкус. Светлый образ заботливой сестры сменился на суровый лик их почтенного батюшки. Тяжёлый взгляд герцога де Невилля, даже в воображении, мог просверлить насквозь, достав до самой глубины души, перепуганного и расстроенного Франсуа.

Невозможно представить себе видение более отрезвляющее. И стоило только Франсуа вспомнить о герцоге, как в его памяти тут же послышался исполненный драматизма голос, назидательным тоном произнёсший коронную фразу: «Я глубоко разочарован в вас, сударь мой». Слёзы жалости к себе и сожалений о горькой судьбе высохли в единый миг и, успокоившись, маркиз взял себя в руки. Он вытер лицо дрожавшей от холода ладонью, размазав ручейки слёз по щекам, и остановился у первого же поворота. Прекратив бессмысленное блуждание по лабиринту, он решил, прежде всего, определить, в какую часть дворца он забрёл.

– Всё будет хорошо. Я выйду отсюда, – пообещал самому себе Франсуа, мысленно посылая ободряющую улыбку сестрице. Ей не придётся лить слёзы из-за него, ведь он найдёт выход и сумеет выбраться наружу.

Теперь он шагал медленно, осторожно проводя ладонями по стенам по обе стороны от себя. Он прощупывал каждый кирпич, любые, даже самые мелкие зазоры в каменной кладке, какими бы склизкими и противными на ощупь они не казались. Преодолевая волнение, маркиз мало-помалу проходил шаг за шагом от одного отрезка лабиринта до другого, воссоздавая в своей памяти расположение знаков и зарубок на стенах, которые они вместе с Людовиком тайком срисовывали с дворцовых планов ради игры в прятки. Где-то обязательно должен быть указатель, вырезанный в кирпиче. Будь у него свет, то отыскать все эти таинственные знаки не составило бы труда. Но огарок свечи, припасённый им перед вылазкой, выпал из кошелька, пришитого к поясу, когда Франсуа боролся с налетевшим на него де Вивонном.

Минуты вынужденной прогулки в темноте текли томительно и невыносимо долго, даже начали казаться долгими, как часы. Будто на этот раз ему и в самом деле удалось остановить не просто механизм, двигавший стрелки на часах, но и самоё время. Надежда отыскать условный знак понемногу начала растворяться во тьме неизвестности, когда его пальцы внезапно зацепились за поросшую мхом трещинку в кирпиче. Ощупав её, Франсуа обрадовано вскрикнул. На-

конец-то он нашёл рычажок, скрытый в глубине стены. И это означало, что выход был где-то рядом, всего в двух шагах от него!

Не помня себя от радости, Франсуа с силой надавил на рычажок, не обращая внимания на боль в пальцах, оцарапанных об острые края трещины. Панель, встроенная в стене, поддалась напору. Сработал скрытый механизм, и фальшивая стена, за которой скрывался потайной коридор, начала медленно сдвигаться внутрь. Характерный запах старой шерстяной ткани и столетней пыли указывал на то, что маркиз оказался у входа в неглубокую нишу, которую прикрывало широкое полотно гобелена.

Протяжный скрип металлических петель сдвигаемой панели неминуемо привлёк бы чьё-нибудь внимание, если бы поблизости располагались жилые покои или один из тех залов, где стояли в карауле гвардейцы. Сжав нос и рот ладонью, чтобы не чихнуть, Франсуа зажмурился и застыл на месте на несколько секунд, сделав над собой усилие, чтобы не вдохнуть пыль от старинного гобелена. Он был спасён! Более того, он мог осмотреться, ведь во всех дворцовых гобеленах, украшавших стены Лувра, имелись дырочки для обзора. Нужно было только угадать, куда именно его угораздило попасть после долгого плутания в темноте. А это было нетрудно, так как маркиз, с ранних лет выросший во дворце, мог узнать по особенностям внутреннего убранства все залы и галереи в Лувре. Он прекрасно ориентировался в запу-

танной системе лестниц, переходов и служебных коридоров, да и сам по себе королевский дворец был для него, прежде всего, огромной площадкой для весёлых игр в прятки и погони с Людовиком и другими мальчишками, чуть постарше короля.

Стараясь не дышать так долго, насколько это было возможно, и, прикрывая нос и рот вспотевшей ладонью, маркиз осматривал висевший перед ним гобелен в поисках малейшего просвета, специально вырезанного в ткани глазка для подглядывания или хотя бы прорехи в нитях.

Наконец он заметил тонкий луч света, который, подобно струне, пробивался сквозь щель в ткани. Но, к его разочарованию, глазок для наблюдения, рассчитанный на шпиона ростом выше юного пажа, был вырезан на недостижимой для него высоте. Как ни пытался Франсуа подпрыгнуть или подтянуться на цыпочках, все усилия были тщетны.

Устав от бесплодных попыток, он решил попытать удачи и приподнять угол холста снизу. Если в зале никого не было, то он мог бы определить, где находился, и беспрепятственно пройти к выходу, чтобы вернуться на свой пост по открытой галерее. Снова воспользоваться потайными коридорами он не захотел бы даже под страхом, что его обнаружат и за этим последует суровый выговор с назначением в штрафной караул от самого господина Мальфлёра.

Осторожно, чуть дыша, маркиз продвигался на корточках вдоль всего полотна гобелена, казавшегося бесконеч-

но огромным, пока не нашарил возле себя холодные кирпичи в стене. Наконец-то нижний угол гобелена был найден, и можно выйти наружу из самого настоящего заточения в тёмный каменный мешок потайного лабиринта!

Едва не вскрикнув от радости, Франсуа протянул руку, чтобы приподнять край гобелена. Но в ту же минуту тяжёлое полотно само заколыхалось над ним, и кто-то резко поднял его за угол с другой стороны.

– Сюда! Здесь вход в потайной коридор. Он приведёт нас к набережной, – прошептал неизвестный, подзывая кого-то ещё.

Молниеносно отодвинувшись в сторону, Франсуа вжался спиной в стену, стараясь не поддаться страху, сковавшему его до онемения во всём теле. В следующую секунду он ощутил волну мурашек, пробежавших от затылка до самых пят, и всё его тело начало трясти мелкой дрожью от сырости и холода, исходивших от кирпичной стены, в которую он вжался, ни жив ни мёртв.

– Ты уверен? Смотри, шельма, ты уже напортачил сегодня, – в грубом голосе этого человека, говорившего глухо и с хрипотцой, звучала нешуточная угроза. Короткий звук, похожий на лязг стального лезвия ножа, вытащенного из ножен, не оставлял сомнений в жестокости его намерений.

– Я же сказал! Я знаю дорогу, – ответил первый.

– Ты говорил, что нас никто не запасёт, – заговорил третий человек. – И вот же! Нас едва не накрыли там же, на месте,

да ещё и с добром в карманах. Не обессудь, но за свои слова приходится отвечать. Шкурой.

– Понял? – вслед за уточняющим вопросом последовала возня. По судорожному всхлипу и учащённому дыханию можно было представить бедственное положение первого говорившего, который, судя по всему, был проводником. Он прохрипел в ответ, но издали раздался топот бегущих ног и послышались тревожные выкрики.

– Живо, внутрь! – шепнул первый человек.

Его спутники прошли в нишу под приподнятым гобелемом, а оттуда, через открытую маркизом фальшивую панель в стене, протиснулись в потайной коридор. Их проводник прошёл последний, позаботившись опустить на место полотно гобелена.

Франсуа почти примёрз спиной к стене. Он молил небеса, чтобы в пылу погони его укрытие не заметили ни беглецы, ни их преследователи.

– Там кто-то есть, – послышался хриплый голос одного из беглецов. – Проверь.

Очертания их фигур почти растворились в темноте, и всё же Франсуа почувствовал острый, как лезвие ножа, взгляд человека, смотревшего в его сторону.

– Они прячутся где-то здесь! – снаружи раздался громкий голос и беспорядочный топот бегущих ног. – Ищите! Осмотрите всё, господа!

Зло выдохнув, человек, смотревший в сторону, где пря-

тался Франсуа, помедлил всего на мгновение и скрылся в темноте.

Протяжно заскрипели петли на фальшивой панели, заглушая звуки удалявшихся шагов, и в ту же минуту послышался пугающе громкий шорох. Гулкое эхо повторило звуки ударившихся об пол наконечников тяжёлых церемониальных алебард. Без сомнения, это прибежали стражники из Швейцарской гвардии, охранявшие покои королевы. Приготовившись к самому страшному, Франсуа напрягся и в очередной раз затаил дыхание, набрав полные лёгкие пыльного затхло-го воздуха, от которого тут же захотелось чихнуть и прокашляться. На его счастье, гвардейцы только оставили алебарды, прислонив их к стене рядом с тайником, и принялись осматривать углы и оконные ниши.

Замёрзший и перепуганный, юный маркиз сел на корточки, прислонившись плечом к стене. Ослабевшие из-за пережитого страха, колени дрожали, и он медленно осел на пол. Чувствуя облегчение от того, что его снова не заметили, он вытянул занемевшие ноги и выдохнул. А уже в следующий миг на смену чувству страха в его душу закралось любопытство. Кто были те два грабителя, можно было догадаться по характерному для парижских предместий выговору. А то небольшое, что Франсуа уловил из их речи, означало, что он только что едва нос к носу не столкнулся не с уличными карманниками, а хладнокровными убийцами, готовыми на любую жестокость. А вот третий человек, тот, кто привёл их

к двери в потайной коридор, скорее всего, был их сообщником из числа дворцовой прислуги. Но что с того? Ведь узнать его невозможно. В темноте Франсуа не разглядел никаких особых примет, по которым можно было бы указать на него.

– Никого! Как сквозь землю провалились, господин капитан!

Вот оно! Обрадованный нежданно посетившей его идеей, Франсуа легонько хлопнул себя по лбу и чуть было не бросился бежать из своего укрытия. Но тут же он замер, спохватившись, что малейший шорох может выдать его.

Но ведь какая блестящая мысль – он мог узнать того человека по голосу! Теперь для того, чтобы довести дело до конца, ему и вовсе не следовало попадаться самому. А вывести мошенника и воров на чистую воду – это долг любого пажа, и он, Виллеруа, его исполнит! Правда, для начала следовало вернуться на пост в зале Приёмной королевы, да поторопиться, чтобы не опоздать к смене караула. Ох, и вздумалось же де Вивонну оказаться возле больших часов в зале в самый неподходящий момент! Не заметь он тогда Франсуа, маркизу не пришлось бы носиться, сломя голову, в лабиринте по потайным коридорам. Правда, тогда он не узнал бы, каким образом воры сбегали от погони, да и не услышал бы голос человека, служившего во дворце.

– Нет худа без добра. Уж это точно, – чуть слышно прошептал самому себе Франсуа, дожидаясь, пока швейцарцы не покинули зал после того, как, тщательно обследовали

каждый угол, все оконные и дверные ниши. По счастью, им и в голову не пришло искать тайники за старинными гобеленами, которые украшали стены зала вот уже более ста лет.

Ему не терпелось вылезти из укрытия и размять затёкшие ноги. Всё тело ныло так нестерпимо, что Франсуа едва дождался, когда шаги удалявшихся гвардейцев затихли где-то в одной из дальних галерей.

Оказалось, что снаружи было также холодно, как и в потайном коридоре. Это наводило на мысль, что он попал в один из малопосещаемых проходных залов, камин в которых никогда не растапливались. Оглядевшись, Франсуа заметил у входа возле дверей мраморные статуи, в руках которых были закреплены подсвечники с погасшими свечными огарками. Он узнал то место – он оказался возле так называемой галереи Призраков, а, значит, для того, чтобы вернуться на свой пост, ему нужно было всего лишь пройти вперёд по анфиладе залов к Большой галерее.

Но сделать это следовало бегом и так, чтобы не потревожить сон обитателей близлежащих покоев. Франсуа не понаслышке знал, насколько чутким был слух некоторых обитателей дворца, а особенно в числе придворных дам свиты Анны Австрийской. Казалось, что некоторые почтенные статс-дамы вовсе не смыкали глаз по ночам, и были в курсе всего, что происходило во дворце.

В приёмной королевы было пусто и темно. Свечи, горевшие в огромных напольных канделябрах с самой полуночи,

давно погасли. А значит, время приближалось к пяти часам утра, и дворцовый кастелян, в ведении которого были все дверные замки, засовы, а также свечи и часы Лувра, вот-вот начнёт свой утренний обход галерей и залов. Начиная с пяти утра, он зажигал свечи в канделябрах и вставлял новые настенные факелы во всех присутственных залах и главных коридорах дворца. Следом за ним, ближе к шести часам, в залы приходили истопники. Они чистили и растапливали дворцовые камины, все, за исключением тех, которые находились в личных покоях королевской семьи, там за растопкой каминов следили камердинеры и камеристки.

С улицы раздался торжественный бой церковных колоколов, отмечая наступление утра и начало нового дня. Со стороны Большой галереи послышалось гулкое эхо шагов, по которым Франсуа безошибочно узнал печатный шаг, каким проходят на королевском параде – особенную поступь главного надзирателя в Корпусе Королевских Пажей господина Мальфлёра.

Смена пажеского караула! Скорее! Успеть добежать до зала, быстро подняться по ступенькам на невысокий постамент, где стояли кресла короля и королевы, и занять свой пост в последний миг! Франсуа стремглав пронёсся в распахнутые настежь двери, рискуя на бегу столкнуться с заспанным кастеляном, который добродушно пробормотал что-то в густые усы, заменяя огарки новыми свечами в высоком позолоченном канделябре.

Неужели де Кревье умудрился задержаться на свидании со своей очаровательной зазнобой? Но, в случае опоздания товарища по караулу, Франсуа был готов с невиннейшим выражением лица сослаться на то, что зов природной нужды заставил виконта отвлечься от несения службы. Звучало это, конечно же, смешно и нелестно. Зато де Кревье отделается всего лишь насмешливым выговором сквозь зубы от педантичного до мелочей поклонника пунктуальности, сопровождаемым хихиканьем остальных пажей, которые явятся для смены почётного караула. В любом случае, за неимением доказательств обратного, господин Мальфлёр, как всегда, будет вынужден принять, как данность, объяснение маркиза, каким бы нелепым оно ни казалось.

Глава 3. Потерпевшие фиаско

Утро, после пяти часов. Лувр.

Коридор рядом с покоем королевы

Сонное спокойствие царило в той части дворца, начиная с полуночи, когда по заведённому правилу двор Анны Австрийской уходил на покой вместе с королевой. Длинный коридор рядом с покоем королевы утопал в моргающем свете колыхавшихся от сквозняка огоньков свечей в настенных канделябрах. Ничто, казалось бы, не могло нарушить покоя, который, к тому же, охраняли стоявшие в карауле швейцарские гвардейцы. Но всё это спокойствие улетучилось в тот же миг, когда двери соседней галереи с грохотом распахнулись, и в коридор ввалилась толпа гвардейцев из Дворянской Сотни во главе с капитаном де Вардом и швейцарцев, возглавляемых сержантом Дезушем.

– Женщины! Всюду суют свои любопытные носы. Какого дьявола она там делала? Разрази меня гром, если я понимаю, что творится в головах этих кружевниц, – сыпал проклятиями рассерженный де Вард, не обращая внимания на хмурые лица швейцарцев.

– Я бы попросил, господин капитан, – осмелился возразить старший из них, сержант Дезуш. – Вы говорите о даме, сударь. Извольте выбирать выражения!

– Что? Что вы сказали? – вскинулся де Вард, и кто знает, к чему привёл бы этот разговор, если бы случай не заставил Дезуша замолкнуть на полуслове.

В коридор со всего разбегу влетел гвардеец. Он бежал так быстро, что, не разбирая дороги, миновал караульный пост гвардейцев, тогда как те были всецело поглощены наблюдением за назревавшей ссорой между капитаном Дворянской Сотни и сержантом личной Швейцарской гвардии её величества.

– Ну? Что? Их схватили? Где они? – де Вард тут же забыл об оскорбительном, на его взгляд, выпаде Дезуша, да и тот мгновенно остыл при виде гонца, запыхавшегося от быстрого бега.

– Сбежали! Как сквозь землю провалились! – захлебываясь от спешки, доложил гвардеец и согнулся, схватившись за правый бок и глотая воздух в попытке отдышаться. – Мы гнались за ними... до самой... до галереи. Галереи Призраков. Там они исчезли! Пропали из виду! В один миг. Были – и нет!

– Какие призраки? О чём вы? – спросил Дезуш, не знакомый с дворцовыми легендами о душах неупокоенных еретиков, убитых в галерее Войны во время кровавой резни в Варфоломеевскую ночь.

Де Вард с силой сжал руку в кулак и потряс им перед собой. Вместо ответа слышались грубые проклятия и ругательства, что вызвало новую бурю негодования в его адрес.

– Извольте держать себя в руках, господин капитан! Дамы! Они могут услышать нас! Мы в коридоре покоев самой королевы.

– Да к черту! Какая теперь разница? Эти олухи упустили их, – огрызнулся де Вард. Неудача и громкий провал, постигший разработанный им план, довели его до яростного иступления.

– Но причем здесь призраки? – допытывался Дезуш и перевёл вопросительный взгляд с капитана на его подчинённых.

– Это легенда такая, господин сержант, – пояснил один из них. – Поговаривают, что после Варфоломеевской ночи в Лувре остались призраки убитых гугенотов, жаждущих мести за предательство.

– Чушь, – рыкнул де Вард, а Дезуш, глядя на него, недоуменно вскинул брови.

– Предательство? Гугеноты? Месть в королевском дворце?

– Пустое, сержант. Это история столетней давности. Ещё до короля Генриха Четвертого. И нас это не касается. А вот то, что грабителей упустили именно там, в галерее Войны, вот это наводит на одну мысль. Но разрази меня гром! Как? Как они узнали? Кто провёл их?

Одна из дверей отворилась, да так тихо, что, спорившие во всю мощь своих глоток, мужчины не сразу заметили появление дамы. Она вышла в коридор, закутанная в простор-

ный шлафрок. На голове у неё возвышался пышный ночной чепец, из-под которого выбивались пряди седых волос.

– Господа! Во имя господа, объясните, что здесь происходит? Господин Дезуш, это вы? Извольте доложить! Что только могло заставить вас забыться до такой степени, милостивый государь? Вы подняли невообразимый шум. И, напомним вам, вы находитесь у дверей в покои самой королевы. Это скандал, господа!

– Мадам! – швейцарцы и, стоявшие чуть поодаль, гвардейцы из роты капитана де Варда почтительно поклонились герцогине де Ланнуа. Сам капитан так и застыл, склонив голову в немом почтении и нервно теребя сорванную впопыхах шляпу.

– О, мадам, я прошу прощения, – пробасил Дезуш. – Мы... Тут произошла попытка ограбления.

– Об этом я знаю не хуже вашего, Дезуш, – герцогиня недовольно взмахнула рукой так, что в воздух взметнулось, похожее на облачко, кружево на рукавах её шлафрока. – Бедняжка Элоиза! Ваши люди едва ли не до смерти перепугали её, господин де Вард. Подумать только, сначала они ворвались в комнату юной особы! А потом, в довершение всех бед, чуть было не застрелили того несчастного. И прямо на глазах у бедной девушки! Господа, это из рук вон скверно! Стрелять в человека! Во дворце!

– Этот человек – грабитель, мадам, – попытался возразить на сетования почтенной дамы капитан де Вард, но под дей-

ствием её испепеляющего взгляда прикусил губу и опустил полные гнева и упрямства глаза долу.

– Это ничего не меняет, маркиз! Ровным счётом ничего! Вы находитесь во дворце, у покоев королевы. Здесь каждый имеет право на покой и личную безопасность. Я уже не говорю о неприкосновенности жилых комнат. Не забывайте об этом!

– Мадам, мы смиренно просим прощения, – Дезуш повинно склонил голову, и густая чёрная борода утонула в щегольском банте из кружевного шарфа.

– К делу, господин сержант, – сухо одёрнула его мадам. – Что заставило вас остаться и шуметь под дверьми покоев королевы? Да ещё так дерзко и громко! Известно ли вам, господа, что своими разговорами вы потревожили королеву? Её величество послала за мной. Меня попросили узнать, не случился ли пожар во дворце.

– Мадам, так вам известно, что из-за некой дамы, мы так и не схватили грабителей в покоях фрейлин королевы? – де Вард начал издалека, желая изложить свою версию происходящего. – Мои люди преследовали их до самого конца. До галереи Призраков.

– Да, мадам. Так и было. Мы добежали до галереи Призраков, – с тяжелым вздохом подтвердил эти слова один из гвардейцев. – Мы почти настигли их.

– Галерея Призраков? – герцогиня де Ланнуа понимающе качнула головой и скорбно поджала губы. – И они исчезли

из виду, не так ли? – немного смягчив тон, она поправила выбившийся из-под чепца локон и посмотрела в виноватые глаза де Варда. – Ведь вы понимаете, что это значит, капитан? Вы же помните, о чём я?

– Да, мадам, – глухо отозвался тот и процедил сквозь зубы. – И если бы одной молодой особе не вздумалось сидеть без дела в том чулане! Что она делала в каморке, где хранят старую мебель и ненужную рухлядь? Если бы не она, в эту ночь нам удалось бы раз и навсегда покончить с ночными грабежами!

– Элоиза в своём праве, маркиз! С недавних пор это её личная комната, – в ответ на поток открытых упрёков мадам де Ланнуа и бровью не повела, а спокойным тоном, чётко и с расстановкой произнесла: – Это было распоряжение её величества. Девушке предоставили пустующую комнату. А ваши гвардейцы посмели ворваться к ней! Среди ночи! Настоящий разбой, да и только, вот что это такое, господа!

– Но, мадам! Если бы нас предупредили, что комната занята! – чуть не взмолился де Вард, теряя почву под замораживающим до окаменения взглядом. – И ведь я сам специально распустил слух о том, что там хранятся забытые вещи. И о том, что среди старого хлама в той комнате можно отыскать старинные шкатулки с драгоценным кружевом и побрякушками от прежних фрейлин.

– Вот если бы вы предупредили меня, господин капитан! Если бы посвятили в свой план! Вместо того, чтобы затевать

весь этот балаган среди ночи! – не слушая оправданий, продолжала мадам де Ланнуа, чуть повысив голос на упрямца. – Запомните, господа! Раз и навсегда уясните для себя, что в покоях королевы ответственность за охрану порядка несёт рота Швейцарской гвардии. В отсутствие капитана Швейцарской гвардии за безопасность и покой королевы и её двора отвечает сержант Дезуш.

– Мадам, я всего-навсего не хотел привлекать ненужное внимание к этому делу. Мы могли испугнуть грабителей, – пылко возразил на незаслуженный, как он считал, реприманд, де Вард, и даже сам Дезуш негромко хмыкнул из солидарности с ним.

– Как мне кажется, господин капитан, вы единственный, кто тут всех распугал, – строго осадил его герцогиня. – Но, вернёмся к делу. Вы сказали, что не хотели испугнуть грабителя? Кого вы имеете в виду? Вы знали, кого ждать? Неужели вы хотите сказать, что это кто-то из дворца? Нет? Ведь нет же?

Де Вард густо покраснел, кусая губы от досады. Он заметил, как изменилось лицо герцогини, когда она сложила руки на груди почти в молитвенном жесте. В её взгляде отразилось глубокое разочарование и горечь.

– Неужели в свите королевы есть кто-то, кто посмел предать доверие её величества? Боже праведный! – прошептала она.

– Да, мадам. И, как вы понимаете, они неспроста сбежали

именно в сторону галереи Призраков, – тихо подтвердил эти страшные догадки де Вард.

На некоторое время в коридоре воцарилась гробовая тишина. После суровой отповеди никто из мужчин не посмел заговорить первым и прервать скорбное молчание.

– Не называйте галерею Войны этим постыдным прозвищем, – проговорила мадам де Ланнуа после некоторого раздумья и отошла к двери. – Там нет призраков. Уж вы прекрасно знаете об этом, дорогой маркиз, – она надавила на дверную ручку. – Зато там находится вход в коридор, по которому можно незаметно выйти из дворца. Недалеко от набережной, в саду. Если мне не изменяет память. И вы тоже подумали о том коридоре, не так ли?

– Да, мадам. Я подумал, что кто-то из дворцовой прислуги провёл грабителей к выходу. По тому самому коридору, – де Вард многозначительно замолчал.

Да и было ли что сказать, если между ним и мадам де Ланнуа этот вопрос был яснее ясного.

Когда-то, четверть века тому назад, подобный переполох уже имел место быть в Лувре. Более того, это произошло именно в покоях Анны Австрийской. В ту роковую ночь неизвестные грабители выкрали из тайника в личных комнатах королевы шкатулку с драгоценностями. Содержимое шкатулки пропало без следа, не считая нескольких вещей, которые были предъявлены королю в подтверждение якобы неверности королевы. Гвардейцы, которые стояли в ка-

рауле в ту ночь, почти настигли злоумышленников. Но точно так же упустили их в галерее Войны. Они вернулись ни с чем, так как не подозревали о существовании тайного выхода из дворца. Мадам де Ланнуа в то время уже состояла в свите королевы, а отец маркиза де Варда командовал тогда ротой гвардейцев, которые охраняли покои Анны Австрийской.

– История повторяется, мой дорогой маркиз, – произнесла мадам де Ланнуа с горечью. – Как это печально, право же.

– Я не допущу повторения той истории, мадам! – вспыхнул де Вард, но герцогиня ответила на это грустной улыбкой и качнула головой.

Прежде чем закрыть за собой дверь, она обернулась и тихо, почти шёпотом спросила:

– Скажите, господа, а это не связано с часами?

– Что? – Дезуш оглянулся на большие напольные часы с боем, стоявшие у входа в коридор.

Стрелки на циферблате замерли, и в отсутствие дворцового часовщика никто не удосужился завести механизм часов заново.

– Час Купидона, – констатировал де Вард время, которое указывали часы, – Нет, мадам. Я твёрдо уверен, что между кражей драгоценностей и неисправностью этих часов нет никакой связи. Случайное совпадение.

– И тем не менее, – произнесла герцогиня. – Грабителям помогает кто-то из дворцовой прислуги. И стрелки дворцо-

вых часов останавливает кто-то, кто разбирается в механизме часов и знаком с расположением залов и галерей во дворце, — тут она строго посмотрела на притихших гвардейцев. — Я прошу вас, господа, не разглашать новости о новой попытке грабежа. Никому. Храните всё это в строгом секрете до тех пор, пока сама королева не даст личное соизволение предать дело огласке.

— Как вам будет угодно, мадам!

Гвардейцы и стоявшие в карауле швейцарцы сняли головные уборы и с почтением поклонились вслед удалившейся в покои герцогине де Ланнуа.

— Что теперь? — спросил Дезуш, повернувшись к де Варду.

— Преследовать грабителей поздно, — ответил тот, надевая шляпу и наугад стараясь придать ей щегольской залом набок. — Мы упустили время. Если они воспользовались тайным выходом, то давно сбежали подальше от дворца. Наверняка их ждали на набережной. Там, как раз возле садов, есть переправа. Скорее всего, они наняли лодку и заплатили паромщику, чтобы их переправили на другой берег или вовсе подальше от города. Похоже на то, что всё это было подстроено загодя. Помяните моё слово, это был тщательно продуманный план.

— Но как же так? Как мы схватим их? Мы должны, хотя бы, начать с чего-то! Давайте отыщем тех, кто им помогает!

Будучи человеком действия, а не рассуждений, Дезуш, решительно направил стопы к выходу. Он на ходу сделал знак

швейцарцам, свободным от караула, следовать за ним.

– Уж не собираетесь ли вы обыскать весь Париж, господин сержант? – раздался насмешливый голос из темноты.

На пороге приёмной возникла фигура человека, одетого в тёмный, непритязательного кроя камзол. На плечах у него был плащ, из-под полов которого торчала длинная шпага с эфесом и гардой внушительных размеров.

– Как? Это вы, господин герцог? – не ожидавший встретить самого де Грамона, который тем временем неторопливой прогуливающейся походкой прошёл через весь зал, де Вард с почтением поклонился. – Вам тоже не спится, ваша светлость?

– Представьте себе, мой дорогой маркиз. Зубная боль замучила, – ответил тот с лукавой усмешкой в карих глазах. – Итак, господа, что вы намерены предпринять?

– Преследовать негодяев! – Дезуш с воинственным видом обнажил шпагу, и на её лезвие тускло блеснуло отражение огней догоравших свечей в настенных канделябрах.

– Так не пойдёт, – миролюбиво остановил его де Грамон и жестом призвал убрать оружие. – У вас даже подозрений нет, кого именно преследовать. И никаких следов, насколько я понимаю.

– Но, что же вы предлагаете, ваша светлость? – спросили оба.

– Я мимоходом услышал ваш доклад герцогине. Совершенно случайно, разумеется. Тут что-то говорили о галерее

Призраков, — де Грамон повернулся к де Варду. — Я, как и мадам де Ланнуа, считаю, что грабители могли скрыться только через потайной ход. Кто бы ни помогал им, он хорошо знаком с расположением залов, коридоров и всех лестниц в Лувре. А также с секретными переходами. И, я думаю, что он воспользуется тем же коридором, чтобы вернуться на службу. Необходимо отыскать все потайные двери. А затем надо расставить караульные посты так, чтобы выследить любого, кто попытается пройти. Не так уж много во дворце людей, кому известно, где расположены входы в потайной лабиринт. Это сеть переходов между разными частями дворца. Она такая же древняя, как краеугольный камень, заложенный в основании стен старого Лувра. И поверьте моему слову, господа, это опаснейшее место. Коридоры запутаны, как паутина. Хуже, чем даже легендарный лабиринт Минотавра. Там можно погибнуть, если не знать, где искать выход.

Не слыхавший ничего о лабиринте Минотавра, Дезуш сосредоточенно засопел, пытаясь представить себе значение этих мрачных описаний. По многозначительности тона и суровому взгляду герцога было ясно, что тот не шутил, а потому сержант с готовностью поклонился, уступая его светлости дорогу, тем самым предоставляя ему главенство в предстоявшей операции.

Шумная и длинная процессия, состоявшая из швейцарских гвардейцев, возглавляемых сержантом Дезушем и капитаном де Вардом во главе гвардейцев его роты, под общим

командованием маршала де Грамона направилась в сторону Большой галереи, а оттуда – к королевским покоем.

Глава 4. Ранний визит к королю

Утро, около шести часов.

Лувр, королевские покои

Прошло всего несколько минут в тесном плену под огромной постелью, но у него уже заныла спина, затекли плечи, а колени задеревенели намертво, так что, если он когда-нибудь выберется наружу, то сможет передвигаться только ползком. Зажав рот ладонью, чтобы не расчихаться от пыли, в мыслях и шёпотом де Вивонн проклинал ту минуту, когда он согласился на эту нелепую игру в прятки. После недолгого кошмарного сна во рту оставался сухой привкус, будто он наглотался песка, и с каждым вздохом всё сильнее хотелось прокашляться. От попытки поменять положение шея и плечи загорелись, как от укусов тысячи мелких булавок. И в очередной раз Луи-Виктор возмущённо спрашивал самого себя, почему он не догадался найти более удобное место для прятков. Да хотя бы за гардинами или даже в ванной комнате, а ещё лучше, если бы он сразу же вышел через кабинет в Большую приёмную и был таков. Ведь миссия по сопровождению и охране короля была с честью выполнена им до самого конца. Правда, на этом моменте Луи-Виктор чувствовал, как всё внутри восставало против подобного расклада. Он согласился выследить вора вместе с Людовиком

и сидеть в засаде не ради гвардейского долга, а из чувства дружбы. И это было ответом на все предыдущие возмущённые вопросы самому себе. Решив это, Луи-Виктор с силой ударил кулаком по нависавшей над его лицом деревянной перекладине кровати и тут же стиснул зубы, чтобы не взвыть от боли в рассечённых костяшках пальцев руки.

А Бонтан, как назло, долго не уходил к себе. Плеск воды, шорох гардин, скрип отпираемых и запираемых замков в ящиках комода сопровождались монотонным ворчанием и сухим кашлем. Мало-помалу это начинало выводить Луи-Виктора из себя, так что, ему снова пришлось крепко стиснуть зубы и до боли сжать кулаки, чтобы собрать всю силу воли, сохраняя стоическое молчание. А, кроме того, неподвижность. О, как же сильно ему хотелось выкрикнуть в сердцах, резко и даже грубо. В его голове вспыхивали яркие, как огни фейерверков, залпы цветистых ругательств. Всё, чему он научился у приятелей в гвардейской роте за год с небольшим службы, было готово прорваться наружу, и никогда ещё в адрес первого камердинера не звучало столько брани, к счастью, пока только мысленно.

Между тем Бонтан вернулся к королевской постели. С сонной медлительностью он поправлял занавес полога, переставил несколько раз с места на место графин с водой и кружку на ночном столике. Прodelывая всё это с машинальной точностью и дотошностью, он даже не представлял себе, какими эпитетами награждал его за этот честный труд

де Вивонн. Скрежеща зубами от желания высказать вслух все вертевшиеся на языке проклятия, он в то же время едва не завыл от боли и жжения в занемевших конечностях.

И вот, наконец-то, послышался скрип дверных петель! Луи-Виктор безмолвно ликовал во всю мощь лёгких, и, если бы в тот момент его крик вырвался из груди, то его услышали бы во всем Лувре и даже в соседнем дворце Тюильри, а, возможно, что и на другом берегу Сены.

Осторожные, шаркающие шаги и шорох длиннополого халата вскоре затихли в комнате камердинера, и вот уже через минуту ворчливое бормотание сменилось негромким храпом и сопением.

Луи-Виктор выдохнул. В следующий миг, не будучи в силах сдержаться дольше, он расчихался, да так громко, что заколыхалось свисавшее до пола покрывало. Ухватившись пальцами за край постели, он вытянулся наружу по самые плечи и выглянул из-под края покрывала.

– Стойте! Подождите ещё минуту, – услышал он приказ Людовика и недовольно нахмурился, собираясь высказать всё, что накопилось у него на душе о ночных забавах, засаде в тесном чулане, погоне за неизвестным вором и прятках под кроватью.

Людовик уже сидел на постели. Он сбросил с себя тяжёлое одеяло, с облегчением выдохнув после пытки убийственно долгих минут, проведённых в духоте. Раздвинув перед собой плотный занавес полога, он смотрел в темноту, где на фоне

паркетного узора угадывались очертания головы и плеч де Вивонна.

Подтянувшись ещё немного, Луи-Виктор вылез наружу. Он уселся на полу, привалившись спиной к винтовому деревянному столбику, на котором держался полог кровати, и с видимым облегчением вытянул перед собой занемевшие ноги. Заметив предупредительный знак Людовика, он оглянулся в сторону, куда тот показал ему рукой.

– Чёрт! А там что ещё такое? – спросил Луи-Виктор, но тут же замолчал и, по примеру Людовика, вслушался в подозрительный разговор, который доносился из-за двери в кабинет.

Трудно было разобрать что-то, кроме отдельных фраз, так как собеседники, скорее, ругались и спорили между собой, чем говорили. Де Вивонн решил действовать. Он вскочил на всё ещё ватные онемевшие ноги, собираясь подойти ближе к двери и подслушать, что там творилось, но в это же время скрипнула другая дверь. Тёмный узор на полу рядом с Вивонном прорезала яркая стрела света от огня свечи, горевшей в плошке в руке Бонтана. Луи-Виктор моментально упал ничком и в следующий миг нырнул под кровать, потянув с собой длинный хвост покрывала. Людовик также быстро откинулся на высоко взбитые подушки и накрылся до самых глаз оставшимся краем покрывала. Он и подумать не успел об одеяле, которое лежало бесформенной грудой на краю постели, и раскрытом пологе.

– Что творится! Что делается! Уже и в личных покоях короля никакого порядка нет ночью, – ворчал Бонтан, по счастью не обратив внимания на то, что творилось в ту самую минуту в королевской постели.

Он прошлёпал по скользкому паркету в одетых на босу ногу ночных туфлях к кабинету, откуда доносились голоса споривших о чём-то людей.

Осторожно приоткрыв дверь, Бонтан поднял перед собой свечу и осветил на лица застигнутых им врасплох визитёров.

– Господа! Позвольте, но в такой час! Что это значит?

Чтобы не разбудить короля, он переступил через порог и вышел из королевской опочивальни. Не потрудившись плотнее закрыть дверь у себя за спиной, он оставил её открытой, и голоса из кабинета доносились особенно громко и отчётливо.

Людовик тут же сбросил с себя покрывало и сел. Он тихонько свистнул, позвав де Вивонна, чтобы тот не проспал всё самое интересное и выбирался из укрытия. Затаив дыхание, король и его друг прислушались к разговору людей, собравшихся в кабинете, при этом забыв обо всех пережитых ими неудобствах.

– Ваша светлость, – продолжал говорить Бонтан, и обычно спокойный голос звенел от праведного негодования. – Позволю себе напомнить вам, господин герцог, что в такой час вы выбрали крайне неподходящее время для аудиенции. Его

величество спит. И я не позволю будить его. Никому!

— Его величество спит? Я так и предполагал, — слышался знакомый до мурашек, насмешливый голос губернатора Наварры и Беарна.

— Это де Грамон! — в один голос едва не вскрикнули друзья, но только переглянулись между собой и тут же притихли, чтобы не упустить ни слова из продолжающегося разговора.

— На это я и рассчитывал, мой дорогой Бонтан, — будто в подтверждение, что это был именно он, собственной персоной, герцог де Грамон говорил ещё громче. Он даже подошёл к самой двери и заглянул через плечо Бонтана в опочивальню.

— А также мы очень рассчитываем на вашу помощь. Видите ли, дорогой Бонтан, нам необходимо кое-что получить. И дело не терпит промедления.

— Господа, не кажется ли вам, что это неурочный час для любых просьб? Даже о помощи! Тем более, о помощи! Это ваше дело, оно не может подождать до утра, господин герцог? — не сдавался Бонтан, подвинувшись так, чтобы из-за его широких плеч невозможно было заглянуть внутрь комнаты.

— Нет, месье, — с видимым сожалением ответил де Грамон, отступив назад.

— Это дело крайне важное и оно не потерпит ни минуты промедления. Никаких отсрочек! — вступил в разговор вто-

рой посетитель, грубо оборвав дипломатичные попытки герцога провести переговоры в мирном тоне.

– Де Вард! – прошептали друзья и с ещё большим интересом прислушались к разговору.

– Нам нужны чертежи, – де Грамон смягчил тон, в его голосе слышались нотки опытного и уверенного в себе дипломата, тогда как капитан продолжал наседать с чисто военной, неsgiбаемой прямолинейностью.

– Если сказать точнее, господин Бонтан, нам нужны именно дворцовые планы, – пояснил де Вард. – Мне известно, что со всех дворцовых планов сделали копии. Их хранят здесь, в кабинете короля.

– А, кроме того, нам потребуется и непосредственно ваша помощь, дорогой Бонтан, – не прерывал свою дипломатическую линию де Грамон. – Ведь вы знакомы с расположением потайных коридоров во всём дворце, не так ли?

Слышно было, как Бонтан нерешительно засопел, обдумывая ответ, переминаясь с ноги на ногу. Он что-то пробормотал про время и обязанности камердинера, но ему, как будто, не вняли.

– Месье Бонтан, время не ждёт! Мы упустили грабителей. А они воспользовались одним из потайных коридоров, – в словах капитана сквозило нетерпение, в отличие от герцога де Грамона, который сохранял вежливый, почти дружеский тон.

– Месье Бонтан, не время для щепетильности! – чуть ли

не во всю мощь своих командирских лёгких выкрикнул де Вард. – Или вы забыли, какими могут быть последствия? Если мы не пресечём заговор вовремя, сейчас же! Надо ли мне напоминать вам, к чему может привести ваше преступное промедление?

– Заговор? – испуганно переспросил Бонтан.

Достаточно было прозвучать всего одному слову, чтобы его решительность в обороне порядка дала серьёзную брешь.

– Именно так, дорогой Бонтан. Это – заговор, – подтвердил де Грамон. – Понимаете, грабители ведь не сами отыскали потайной ход. Кто-то из прислуги во дворце помог им. Мы должны найти предателя. Но, прежде, чем мы отправим его в руки правосудия, нам необходимо с его помощью поймать и всех сообщников. Для этого мы хотим поставить под наблюдение все входы в потайные коридоры дворца.

– Да! Чтобы выкурить их оттуда, как лисиц из норы! – жесткое дополнение со стороны де Варда оказалось последним и весомым аргументом. Чаша весов в выборе между сложившимся нерушимым порядком и необходимостью немедленно действовать, вопреки правилам, склонилась в пользу просителей.

Послышалось недовольное бормотание и шаркающие шаги. Звякнули ключи в связке, протяжно скрипнул выдвинутый ящик секретера и раздался тихий щелчок отпираемого замка.

Планы дворцовых коридоров хранились в одном из тай-

ных отделений старинного секретера. Если бы не чистая случайность, то Людовик так и не узнал бы об их существовании. Как-то во время уроков маркиз де Виллеруа занялся поисками карандашей. Они понадобились для черчения планов воображаемой крепости, учебного задания, которое дал им преподаватель геометрии и планиметрии. Осмотрев по очереди каждую полку на книжных шкафах, Франсуа переключил поиски на секретер. Он открывал все ящики и даже шарил рукой внутри. И вот, в одном из самых неприметных для глаз местечек в секретере, с задней стороны, маркиз нечаянно нажал на кнопку встроенного механизма. Вот так перед любопытным мальчишками и открылся тайник, спрятанный в старинном секретере. Конечно же, они немедленно обыскали его, вытряхнув наружу всё содержимое. Кроме кипы документов, старых и неинтересных, они обнаружили там копии планов дворца. Вот они-то и заинтересовали юных строителей фортификаций и подземных ходов гораздо больше, чем скучные задания по планиметрии.

Как видно, Бонтан тоже знал о тайнике, потому что открыл его и достал чертежи по требованию герцога де Грамона. Но для этого ему понадобились ключи, тогда как Людовик всегда пользовался кнопкой от механизма, скрытого в задней части секретера.

– Вот они, – тихо проговорил Бонтан. – Я надеюсь, нет нужды повторять, что всё это секретные документы особой государственной важности! И, прежде всего, для безопасно-

сти самого короля.

– Месье Бонтан, жизнь и здоровье Его величества – это наша наипервейшая задача, – по характерному выговору Людовик и де Вивонн узнали третьего визитёра – сержанта Дезуша. – Мы должны поймать негодяев. Извольте ступать с нами, месье.

– Прежде я обязан доложить обо всём королю. Я должен поставить в известность господина кардинала и Её величество! – Бонтан снова проявил неуступчивость, но его попытку жёстко пресёк де Вард.

– Не сейчас, господин Бонтан! Я сам назначен королевой расследовать это дело, если вы не забыли. Идёмте же скорее. Вы одеты достаточно тепло. И для этого часа, поверьте мне, вполне презентабельно. В коридорах, куда мы пойдём, мы не встретим в этот час никого, кроме гвардейцев, стоящих в карауле. И, кроме воров, возможно.

Судя по решительным шагам и звону шпаг, офицеры уже вышли в Большую приёмную. А вот герцог де Грамон и Бонтан не спешили покидать королевские покои. Они оставались в кабинете ещё несколько минут и тихо переговаривались о чём-то.

– Чёрт, да когда же... – прошептал де Вивонн, потягивая в стороны затёкшие руки. – Если Бонтан идёт с ними, то я пойду следом. Прослежу за ним. Посмотрю, что и как.

– Но вас же увидят! – возразил Людовик, которому наряду с изрядной храбростью были присущи природная осторож-

ность и способность к хладнокровной оценке ситуации.

– Нет. Они следят за каким-то негодяем. Значит, их внимание занято поисками следов. Им будет не до меня, Сир, – не уступал де Вивонн и поднялся с пола.

– Но... Хорошо, ладно, я согласен, – Людовик вылез из постели и на цыпочках подошёл к двери. – Они ушли! Все. И Бонтан тоже. Но он забрал с собой подсвечник, – прошептал он, выглядывая в приоткрытую дверь.

– Теперь и я пойду! – де Вивонн решительно направился к кабинету. – Там, в коридорах горят факелы. Я не потеряюсь, не бойтесь за меня.

– Только возвращайтесь скорее! Я хочу узнать всё. Первым. Слышите? И не от Бонтана или де Варда, – потребовал Людовик.

– Ну, это вряд ли. Откуда мне знать, как далеко их занесёт, – ответил де Вивонн, переступив порог. – И потом, ведь я должен вернуться в кордегардию. Может, после переклички смогу вернуться. Как освобожусь, первым же делом загляну к вам.

– Уж, извольте, – Людовику не понравилось, что все решения де Вивонн принял сам, не прислушавшись к его советам. Но, заметив одну весьма существенную деталь, которую упустил его друг, он весело ухмыльнулся и, выглянув в приёмную, негромко, почти шёпотом, позвал. – Вивонн! Вернитесь! Луи-Виктор! Да, стойте же!

– Что? – остановившись на середине пустого зала, де Ви-

вонн обернулся и со смехом посмотрел на взлохмаченную шевелюру Людовика. – Что ещё?

Но тут он проследил за королевской рукой, указывавшей вниз. Только тогда Луи-Виктор заметил, что второпях выскочил из спальни, совсем забыв про туфли, которые бросил на полу где-то возле постели. При виде узоров на носках чулок, которые выдавали детскую любовь к морским обитателям, граф смутился, а уже через секунду оба громко расхохотались так, что звонкое эхо их голосов заставило зазвенеть стёкла в оконных рамах. Де Вивонн с силой хлопнул себя по лбу и ринулся обратно к дверям. Он едва не сшиб с ног Людовика, державшегося за живот от смеха из-за нелепого и потешного вида бравого гвардейца – при длинной боевой шпаге и в одних чулках, на носках которых был вывязан рисунки в виде голубых дельфинов.

– Да уж! Хороший из меня следопыт. Собственные туфли потерять умудрился, – проговорил, насмеявшись, Луи-Виктор.

Он вернулся в спальню и, пока Людовик оставался в кабинете на чеку, отыскал затерявшиеся под кроватью щегольские туфли с узкими длинными носами. Надев их, не без труда и не без помощи громких проклятий, обращённых на голову башмачника и модников, выдумавших неудобный фасон, граф вышел из покоев и побежал в сторону Большой галереи, догоняя процессию во главе с герцогом де Грамоном.

Оставшись один, Людовик для начала убедился, что Бон-

тан отдал герцогу де Грамону те самые чертежи, которые он, забавы ради, перекопировал вместо домашних заданий по планиметрии. Копии хранились вместе с его учебными работами, и никому не пришло в голову взглянуть на них. На этот раз, Людовик счёл нелишней предосторожностью перепрятать столь ценные документы. Он сложил листы скопированных им чертежей вместе и отнёс в спальню. Аккуратно перевязав внушительную пачку листов одной из лент с приготовленного на утро камзола, он положил её в ящик, который хранился в дальнем углу одной из полок комода, что стоял возле камина. Бонтан хранил там куски ткани для уборки комнат вместе со всяческим мелким инструментом, и никто, кроме него, туда не заглядывал.

Время близилось к шести утра, а он так и не ложился почти всю ночь! Усталость внезапно навалилась на плечи со всей тяжестью, и сил оставалось только на то, чтобы самостоятельно раздеться до нижнего белья и мигом броситься в постель. Без тёплого камзола, панталон и шерстяных чулок Людовик мгновенно ощутил, как его охватила непрекращающаяся дрожь. Постель казалась стылой и холодной, будто он нырнул в омут с ледяной водой. Прождав с четверть часа в надежде согреться, он так и продолжал трястись от холода.

Вот если бы Бонтан перед уходом додумался подбросить новых поленьев в огонь!

Людовик с сомнением приподнялся на локте, выглянул из-за полога и посмотрел на угли, догоравшие в камине.

Наконец, ещё через минуту, он решился на вылазку. Сделав несколько коротких вдохов для храбрости, он резко сорвал с себя одеяло, выпрыгнул на пол и в три прыжка оказался возле камина.

Ворошить угли и самому укладывать поленья в камине – чего только не придётся сделать, чтобы согреться! Дождавшись, когда огонь захватил пахнущее смолой и древесиной большое полено, Людовик стремглав побежал назад к постели. Он запрыгнул под одеяло и завернулся в него с головой. Не прошло и минуты, как усталость окончательно сморила его. Отпустив метавшиеся в голове мысли обо всём, что случилось в ту ночь, Людовик заснул безмятежно и крепко. Все вопросы: о том, откуда взялся карлик, которого они вместе с де Вивонном едва не схватили возле часов; кто помог грабителям проникнуть во внутренние покои дворца; каким из потайных ходов они воспользовались, чтобы сбежать от погони – всё это растворилось, уступив захватившему его в свои объятия глубокому сну.

Глава 5. Пажи в ночном карауле

Утро. Шесть часов. Лувр.

Приёмная королевы

Влетев в зал, Франсуа, не мешкая, пробежал к тронному постаменту и застыл на верхней ступеньке. Он не успел, как следует отдышаться и привести себя в порядок, а в дверях приёмной королевы показался его напарник по караулу – ше-валье Жан Огюст де Кревье. Он так же быстро пронёсся через весь зал и без церемоний устроился в королевском кресле, подтянув к себе ноги и обхватив колени руками.

– Ну как? – спросил он, тяжело переводя дух.

– Ничего, – ответил Франсуа, стараясь ничем не выдать, что и сам запыхался от сумасшедшей пробежки по коридорам.

– Вижу, что ничего, – де Кревье закинул руки за голову и вальяжно развалился в кресле. – Эх, дружище! Знали бы вы, какая усада прогуливаться в Оранжерее в ночи. Всё в цвету, ароматы просто умопомрачительные. Фонтанчики журчат себе. Кругом ни души.

– Так она пришла? – лукаво улыбнулся Франсуа, мысленно представив живописную картину парочки – юноша и девушка, прогуливавшиеся под застеклённым куполом Оранжереи.

– Пришла, – широко раскинув руки и потягиваясь, ответил де Кревье. – Правда, она зачем-то привела с собой подругу. Та ещё болтунья, доложу я вам. Настоящая заноза.

– Так ведь, втроём веселее, – в улыбке Виллеруа сквозила такая незамутненная наивность, что его старшему товарищу не захотелось развеивать его иллюзии, настаивая на общеизвестном правиле о третьем лишнем. Не открывая зажмуренных глаз, он только и проговорил в ответ:

– Ваша правда. Так веселее.

Из галереи слышалось гулкое эхо шагов. Знакомый звук чеканной поступи господина Мальфлёра, главного надзирателя в Корпусе Королевских Пажей, вызвал неоднозначные гримасы досады на лицах караульных. Хотя появление надзирателя сулило скорое освобождение от караула и долгожданный отдых, юные воспитанники не питали ложных иллюзий на свой счёт. Зная дотошный характер господина Мальфлёра, они справедливо ожидали, что их не отпустят ко сну без предварительных распеканий и назидательных речей, так сказать, в целях воспитания. В отличие от других пажей, на голову Виллеруа доставались особенно нудные и долгие нотации по поводу недостаточного рдения к несению службы. В этом особом внимании к юному маркизу угадывалась рука почтенного герцога де Невиля, который требовал от надзирателей и учителей своего драгоценного наследника, чтобы те не жалели никаких средств и усилий, дабы воспитать из маркиза настоящего солдата. Такого, которому

будет не зазорно передать в наследство патент полковника и почётное командование Лионским полком в недалёком будущем.

Де Кревье спрыгнул с трона, едва ли не в самый последний момент. Он подтянул камзол, поправил шляпу и замер, подобно статуе одного из рыцарей, одетых в старинные доспехи эпохи короля Франциска Первого, вечно охранявших парадный вход в приёмную королевы. Виллеруа также подскочил на своём месте возле кресла королевы и вытянулся в струнку, вперив взгляд в потолок, будто в царившем полумраке можно было разглядеть фрески со сценами апофеоза военных побед прошлого века.

– Господа пажи! Смирно! – скомандовал Мальфлёр и прошёл ближе к постаменту трона. – Шевалье де Кревье, доложите о происшествиях во время несения караула.

– Во время несения караула никаких происшествий не было, господин надзиратель! – отчеканил де Кревье, избегая смотреть Мальфлёру в глаза.

На его счастье, надзиратель отвлёкся на шум в соседней галерее. Он обернулся и с удивлением посмотрел на швейцарских гвардейцев, беспорядочной толпой ввалившихся в Приёмную королевы во главе с сержантом Дезушем. Следом за швейцарцами промаршировали гвардейцы из роты Дворянской Сотни, которой командовал де Вард. Сам капитан шагал позади, замыкая строй своих гвардейцев. Он появился не один, рядом с ним шагал герцог де Грамон. Они

о чём-то оживленно спорили, то и дело оборачиваясь к шедшему в самом хвосте процессии господину Бонтану. Пренебрегая обменом формальными приветствиями, герцог де Грамон, прямо с порога, начал разговор с вопросов:

– Что у вас тут, Мальфлёр?

– В приёмной её величества никаких происшествий, господа! – отчеканил надзиратель и вытянулся в струнку перед маршалом Франции.

– Как? Совершенно никаких происшествий? – уточнил де Вард, с подозрением глядя на караульных. А Дезуш, стоявший напротив Виллеруа, спросил того напрямик:

– Вы всё время несения караула находились в зале?

– Совершенно верно, господин сержант, – поспешил ответить за своих подопечных Мальфлёр, но де Вард только усмехнулся.

– Я хочу услышать, что на это скажут сами господа пажи. Вот вы, – швейцарец указал пальцем на маркиза. – Вы, что-нибудь слышали? Видели кого-нибудь?

– Никак нет, господин сержант! – звонкий голос Виллеруа эхом прокатился по залу, заставив надзирателя и сержанта поморщиться и испуганно оглянуться в сторону покоев королевы.

– Господа, я бы просил не шуметь, – испуганно прошептал Мальфлёр.

– Ясно. Ничего, значит ничего, – сказал де Грамон, отступая в сторону выхода. – Идёмте, господа! Ясно же, что, если

пажи ничего не слышали, значит, и видеть не могли. Те люди пробежали через другой зал. Скорее всего, они выбрали коридоры для прислуги, а это с другой стороны покоев.

Все гвардейцы вышли из зала, на этот раз сохраняя строгий порядок, и уже из галереи до ушей юных пажей и их надзирателя долетели обрывки фраз, вызвавшие общее любопытство:

– Этих грабителей нужно вздернуть на воротах Лувра! А чтобы впредь другим неповадно было, ещё и руки отрубить!

– Спокойствие, дорогой сержант. Спокойствие. Мы же не во времена Карла Седьмого живём. Теперь не отрубают руки ни вора́м, ни даже проворовавшимся эконо́мам.

Спокойный, немного насмешливый тон герцога де Грамона вызвал приступ веселья у пажей. Те заулыбались, перемигиваясь между собой, но Мальфлёр тут же пресе́к все зачатки шутивого настроения, бросив в их сторону испепеляющий взгляд.

– А ну-ка, разговорчики мне! Смена караула, шаг вперёд!

Два пажа выступили из строя и подошли к постаменту, встав лицом к караульным. Отдав честь и притопнув каблуками, они поменялись местами и отсалютовали друг другу ещё раз.

– Пост сдан!

– Пост принят!

Де Кревьё и де Виллеруа присоединились к шеренге, в ко-

торой выстроились другие пажи, с едва скрытым нетерпением поглядывавшие на выход. Мальфлёр, чеканя шаг, подошёл к ступеням постамента.

– Господа, будьте бдительны! В случае любого происшествия разрешаю звать на помощь. Караул швейцарской гвардии стоит в Большой галерее.

– Так точно, господин надзиратель!

– Господа пажи! За мной! – коротко скомандовал Мальфлёр и повёл шеренгу пажей, сменившихся в карауле, к выходу.

– Так это точно, что ничего не случилось? – шёпотом спросил де Кревье, обернувшись к замыкавшему строй Франсуа.

– Точно. Ничего, – отозвался тот.

– Разговорчики! – рявкнул, не оборачиваясь, Мальфлёр, и Франсуа тихо выдохнул – иногда и суровость надзирателя была на пользу. Не хватало ещё, чтобы де Кревье заподозрил, что в то самое время, когда он прогуливался в обществе своей пассии во дворцовой Оранжерее, сам Виллеруа тоже отлучался из Приёмной королевы ради собственных дел.

Глава 6. Тревоги королевы

Утро. Шесть часов.

Лувр. Покои королевы

Глухая ночь уже перевалила за порог так называемого часа Купидона. Близился рассвет, время начала утренней суеты, когда дворцовые коридоры и общие залы пробуждались ото сна и покоя. Впрочем, в ту ночь Её величеству были неведомы ни покой, ни даже сон. Разбуженная громкими криками, полными ужаса, и гвалтом, поднятым караульными из-за тревоги в покоях фрейлин, Её величество немедленно послала дежурившую в её спальне графиню ле Монтей разбудить и пригласить к ней герцогиню де Ланнуа. В минуты сомнений и переживаний, когда в памяти вновь возрождались призраки давно пережитых страхов, мадам де Ланнуа была единственной, кому могла довериться королева.

В ожидании, когда почтенная герцогиня вернётся с докладом о причинах, вызвавших суматоху, из-за которой были подняты со своих постелей все обитатели дворца, королева сидела на высоко взбитых подушках и нетерпеливо перебирала агатовые чётки. В строгий канон молитвы на латыни, заученной ещё с детства, то и дело закрадывались исполненные чувств испанские фразы, выражавшие личные опасения Анны Австрийской. Не раз и не два она прерывала заданный

каноном ход розария, ради просьбы о заступничестве за любимых сыновей, не разделяя ни первого, ни второго, и за тех немногих людей, кто оставались преданными ей на протяжении многих лет, даже когда над её головой сгущались свинцовые тучи неотвратимого рока.

– Ну что же, герцогиня? – немедленно спросила королева, едва мадам де Ланнуа переступила порог её опочивальни. – Что там? Что такое стряслось? Это у фрейлин? Снова кража?

Шум и крики, доносившиеся из внешних покоев, не утихали. На лице мадам де Ланнуа было написано плохо скрываемое беспокойство, и это лишь усугубило опасения королевы.

– Что случилось? Надеюсь, никто не пострадал?

– Нет, Ваше величество, пострадавших нет, – мадам де Ланнуа присела в реверансе и поспешно поднялась, торопясь ответить на град вопросов, которыми засыпала её королева.

– Господа гвардейцы из роты капитана де Варда решили устроить засаду для грабителей.

– Как? Но разве охрана в моих покоях больше не в ведении Швейцарской гвардии? А что же Дезуш?

В вопросах королевы прозвучало не только удивление, но и недовольство новшествами, о которых ей не доложили.

– Почему меня не поставили в известность? А что же господин кардинал? Или это произошло с его попустительства?

– Полагаю, что Его высокопреосвященство также не в курсе, – деликатно ответила на это мадам де Ланнуа. – Де Вард

объяснил это тем, что ему было необходимо сохранить полную секретность для исполнения плана. Он ожидал застать грабителя врасплох.

– Так. И что же? Кого же они застали? Мне показалось или я слышала женские голоса? Да нет же, кричала женщина. Это же... Нет! Ведь это не была одна из моих фрейлин?

Это предположение само по себе было чудовищно и грозило громким скандалом. Произнеся его вслух, королева отвернулась, не в силах смотреть в лицо герцогине, если вдруг та подтвердит, что сбылись её самые дурные предчувствия.

– Только не ещё одно предательство. Только не снова, – тихо прошептала королева. – Я так устала ото лжи. Ах, да не медлите же, герцогиня! Скажите мне всё, как есть. Не шадите. Мне кажется, что после всего, что уже пережито, ещё одна измена не принесёт большего урона... Их было столько...

О чьём предательстве вспомнила Анна Австрийская в ту минуту? О ветреном и непостоянном в своей лояльности ко всем друзьям и сообщникам – герцоге Гастоне Орлеанском, младшем брате её почившего супруга, короля Людовика XIII? Или о кузене короля – принце Конде, который несколько раз успел изменить своим союзникам за последние десять лет и в итоге переметнулся на сторону Фронды? Перейдя на службу под знамена испанского короля, принц предал не только её саму, но и Людовика, и Мазарини. Он сделался врагом Франции! Но, может быть, горечь в мыс-

лях королевы вызвали воспоминания о племяннице – Анне Марии де Монпансье, старшей дочери Гастона Орлеанского? Королева дала ей материнскую любовь, которой бедная сирота была обделена с рождения, воспитывала при своём дворе и даже искала блестящие партии для замужества. И всё ради того, чтобы неблагодарное дитя переметнулась к зачинщикам смуты, которые тянули за ниточки, крепко привязанные к амбициям, унаследованным от её беспокойного отца-интригана – герцога Гастона Орлеанского. Или Анне вспомнились тревожные времена её молодости, когда вокруг неё не прекращались интриги и скандалы, по большей мере, связанные с именем герцогини де Шеврез? Подруга безвозвратных дней юности, первых лет, проведённых Анной во Франции, герцогиня была при ней с первых её шагов в самостоятельной жизни в качестве королевы-регентши, но как же скоро она стала причиной горьких разочарований...

– Нет, Мадам. Это не измена. Точнее, предательство есть, но не в том смысле, – тихий ответ мадам де Ланнуа прервал череду воспоминаний, и Анна Австрийская с некоторым удивлением подняла голову, отвлѣкшись от чѣток, и посмотрела в её лицо. – Дело в том, что в ту самую комнату, которую планировали ограбить, недавно, по вашему распоряжению, поселили мою новую компаньонку. Я представила её Вашему величеству, ещё три месяца назад.

– Эта та молодая особа, Элоиза Шанье? – оживилась ко-

ролева и подарила собеседнице улыбку. Ведь компаньонка герцогини, прибывшая из Анжера, понравилась ей и внушала доверие.

– Да, она самая, Ваше величество. Она уже легла в постель, когда слышала шорох и звуки голосов у себя за головой. Увидев в комнате мужчин, она закричала. Начался переполох. Гвардейцы оказались на месте, – тут мадам де Ланнуа иронично усмехнулась. – Как истинный кавалер, капитан де Вард проявил беспримерную галантность, не выстрелив в грабителей на глазах у дамы. В итоге те сбежали, воспользовавшись суматохой. Они успели скрыться до того, как их догнали.

– То есть, грабителей было несколько? – уточнила королева, вновь отвернувшись, и спрятала дрожавшие руки под одеяло.

– Судя по словам капитана, их было, как минимум, трое. И один из них, – мадам де Ланнуа намеренно повысила голос, чтобы привлечь внимание августейшей слушательницы на этот факт, – есть основания полагать, что один из них прислуживает во дворце. Это кто-то, кто хорошо знаком с порядком дня в вашем окружении, мадам. Кроме того, де Вард склонен полагать, что именно этот человек дал указание грабителям, кого и когда именно следует ограбить.

– Боже мой, всё-таки, это предательство... – прошептала Анна Австрийская. – Лучше бы это было тихое ограбление. О нём и так знают. И ведь теперь все вокруг будут подозре-

вать друг друга.

– Не совсем так, Мадам, – произнесла герцогиня и выдержала пристальный взгляд королевы, смотревшей прямо ей в лицо. – Важно обратить внимание на то, как именно грабители скрылись. Перед тем, как гвардейцы успели догнать их, эти люди добежали до галереи Войны.

– То есть, до той самой галереи Призраков? – в глазах Анны Австрийской блеснул огонёк. – Неужели они воспользовались тем же самым выходом?

– Несомненно. Не провалились же они сквозь землю, точнее, сквозь паркет, – подтвердила эту догадку мадам де Ланнуа. – Это значит, что их сообщник должен быть из числа прислуги. Тот, кто знает о потайных коридорах.

– Из прислуги, – с отрешённым видом повторила королева, машинально перебирая бусины чётков.

Внезапно она почувствовала всю тяжесть навалившейся на неё усталости. И виной тому была не столько бессонная ночь, сколько переживания, а также долгая, казавшаяся бесконечной, череда дней и ночей, проведённых в одиночестве и безвестности в ожидании неизбежной, неотвратимой беды. И вновь перед ней показался старый, до боли в сердце знакомый призрак предательства.

– Неужели, новая Фронда? – прошептала Анна.

– Нет, что вы, Ваше величество! – поспешила возразить герцогиня. Она отошла к круглому столику на высоких ножках. На нём стояли графин с водой, два бокала из тонкого

стекла и вазочка с цукатами, любимым лакомством королевы.

Мадам де Ланнуа налила в бокал воды и подала его королеве. Она не заговорила до тех пор, пока Её величество не выпила половину. Даже такая мелочь потребовала от Анны Австрийской недюжинных усилий, чтобы взять себя в руки и совладать с волнением и паникой, которые были готовы закрасться в её душу.

– Это не Фронда. Уверяю вас. Если предатель во дворце, то это, не придворный, повторюсь, – уверенно произнесла мадам де Ланнуа. – Это кто-то из прислуги.

– Но кто же? – стараясь унять дрожь из-за прохладной воды, королева отдала бокал, зябко повела плечами и натянула на себя одеяло.

– У маркиза де Варда есть кое-какие соображения на счёт того, как выследить этого человека, – проговорила герцогиня, но на этот раз в её голосе слышались нотки сомнения.

– Ах, эти соображения, – с лёгкой иронией проговорила Анна Австрийская и снова села на постели. – Он уже упустил этих людей один раз. На что же он надеется? И кстати, он поставил в известность Дезуша? Я хочу знать обо всех предпринимаемых шагах. Подозрения в подобном преступлении – это слишком серьёзно. Ошибка может оказаться роковой для невиновного человека. Это недопустимо. Немыслимо, слышите!

– Я взяла слово хранить молчание и с капитана, и с сер-

жанта. Но, кроме того, я думаю, что самое время пригласить ещё кое-кого, – мадам де Ланнуа многозначительно посмотрела в глаза королевы.

– Ещё? – вскинула брови Анна Австрийская и слегка наклонилась вперёд, в ожидании, пока герцогиня с энергией и силой, которые трудно было предположить в даме столь миниатюрного и сухонького сложения, взбивала подушки.

– Я думаю, что будет нелишним подключить кого-то, кого мало знают при дворе. Не примелькавшееся лицо не вызовет ни у кого подозрений и лишних вопросов.

– И у нас есть на примете такой человек. Да, несомненно, – с долей лукавства продолжила эту мысль королева.

Она дождалась, когда мадам де Ланнуа разложила пышно взбитые подушки в изголовье, и устроилась на них, понимая про себя, что отнюдь не была готова уснуть.

– Да. И это мой крестник, Ваше величество. Не сомневаюсь, что его помнят при дворе. И, тем не менее, мало кто будет связывать его появление с этим делом. Маркиз дю Плесси-Бельер, который привозил депеши от маршала де Руже в канун Рождества, так что для большинства он запомнился тем самым молодым военным, офицером для поручений, не более того, – спрятав улыбку при мысли, что в разговорах придворных дам звучало, конечно же, гораздо более того, мадам де Ланнуа кивнула королеве. – И вам удалось включить его в число помощников графа де Сент-Эньяна на недавнем заседании Королевского Совета.

– Да. Весьма многообещающий молодой человек, – в улыбке Анны Австрийской сквозила добрая ирония.

– Он – достаточно сообразительный. И, что гораздо важнее, осмотрительный человек, не смотря на то, что производит на всех противоположное впечатление, – не замечая иронии в улыбке королевы, мадам де Ланнуа продолжала хвалить любимого крестника и при этом заботливо подоткнула одеяло королеве.

– Если вы так думаете. Но, кроме того, чтобы не привлекать к себе внимание, ему понадобится разузнать всё о тайнах нашего беспокойного двора. Не говоря уже о дворцовых секретах. Некоторых из них. И к тому же, о потайных коридорах.

– Я как раз хотела просить у Вашего величества позволения воспользоваться советами месье Бонтана. Лучше него в Лувре ориентируются, разве что, те, кто сами проектировали и строили этот дворец. Сейчас даже господин Лево затрудняется определить возраст некоторых стен. А ведь он – архитектор и не из худших.

– Ах, мадам! – в глазах Анны Австрийской сверкнула горечь, близкая к разочарованию. – Вы же не хотите сказать, что и наш добрый Бонтан мог ввязаться в это дело?

– Отнюдь, Ваше величество. Уверяю вас, если кто-то и предал ваше доверие, то, скорее всего, этот человек не бывает на виду. Я думаю, что он занимает очень неприметную должность, чтобы не привлекать к себе внимание.

– Вы уверены?

– Я делаю выводы на основании того, что доложили мне капитан де Вард и сержант Дезуш. Ни они сами и никто из их людей не узнали грабителей, никого из всех троих, – без тени сомнений ответила мадам де Ланнуа и направилась к двери.

– Они могли быть в масках. Ох, моя дорогая, даже не пытайтесь. Я знаю, что вы стараетесь сделать всё, как можно лучше, и успокаиваете меня. Но вопросы теперь не иссякнут. Я просто не могу перестать думать обо всём этом, – произнесла Анна Австрийская с пугающе обречённым выражением лица. – Галерея Призраков, ведь это тот самый выход. Через сады к набережной. Вы же помните тот случай, – вздохнула она, отыскивая близоруким взглядом лицо и фигуру герцогини на фоне обитой голубой тканью стены.

– Вам необходимо уснуть, Ваше величество. Все эти вопросы, волнения, воспоминания, – герцогиня качнула головой. – С вашего позволения, я принесу отвар из цветков ромашки. Это вернёт вам сон и спокойствие.

– Забыть, – поправила её королева с грустью. – А что же Луи и Филипп? Надеюсь, их не потревожили все эти события?

– Боюсь, – мадам де Ланнуа остановилась на пороге. – Боюсь, что я не смогла предотвратить это. Мне кажется, что маркиз де Вард отправился к покоям короля, чтобы безотлагательно раздобыть копии дворцовых планов. Кроме кабинета господина кардинала, копии хранятся ещё и в учитель-

ской комнате кабинета Его величества, насколько я знаю.

– Ах да, – пробормотала Анна Австрийская и знаком показала герцогине, что ждёт отвар. – Можно ли уповать на здоровый сон моего мальчика? Эти люди... Де Вард, конечно же, обходительный и достаточно здравомыслящий человек. Он дворянин и офицер, как сказал бы почтенный герцог де Грамон. Но помешает ли это его рвению? Ах, если бы можно было избежать всего этого!

Герцогиня отсутствовала недолго, но даже та четверть часа, которая потребовалась ей, чтобы налить приготовленный заранее отвар в чашку, показалась Анне целой вечностью. Всё это время она лежала, уставив взор в потолок, раздумывая о том, что могло побудить кого-то из слуг предать её. При этом Анна ни на одно мгновение не задумывалась о том, что предательство было, прежде всего, преступлением против короля и короны, против Франции, как таковой. Но нет же, ей казалось, что во всём этом деле было что-то личное, связанное с местью ей или кому-то из её приближённых. Но кому и за что?

– Ваш отвар, Мадам, – королева вздрогнула при звуке тихого голоса и открыла глаза. А ведь, дожидаясь мадам де Ланнуа, она всё-таки задремала.

– Скажите, Мари-Луиза, а не связаны ли эти кражи с часами? – спросила королева и села, чтобы выпить отвар. – Эти часы, то, что они останавливаются в разных залах дворца, это не связано с грабителями?

Она вдохнула сладковатый аромат ромашки и сделала несколько маленьких и осторожных глотков, чтобы не обжечься. Герцогиня наклонила голову, покусывая губы и думая о заданном вопросе. Наконец она посмотрела в лицо королевы, когда та вернула ей чашку, и с задумчивостью в голосе произнесла:

– Нет. Я так не думаю. Есть что-то озорное в этом деле с часами. Дерзкое. Но, не угроза. Это, скорее, чей-то розыгрыш. Преступление? Возможно – да. Но не настолько же серьёзное, как кражи. И, к тому же, капитан де Вард...

– Ах да, наш brave де Вард, – прошептала Анна, откинувшись на подушки. – Если и он уверен в том, что эти дела не связаны, то мы можем быть спокойны. Но выходит, что у нас две проблемы, вместо одной, – в её голосе снова звучала ирония. – Хорошо. Пусть так. Но пригласите вашего крестника, герцогиня. Поручите ему это дело. Оба этих дела. Пусть он явится с отчётом, как только у него появятся ответы. Или хотя бы подозрения.

– Да, Ваше величество. Я приглашу его первым же делом с утра, – герцогиня отошла к двери и тихонько щёлкнула пальцами, чтобы разбудить дремавшую в соседней комнате дежурную даму, графиню де Монтей. – Мадам, вы можете войти! Я желаю вам спокойно выспаться в остаток этой ночи, Ваше величество.

– Да. Доброго сна и вам, дорогая герцогиня. И, будьте добры, позовите ко мне Моттвиль. Лучше пусть она почитает

мне, чтобы я точно смогла заснуть, – устало прошептала королева, смыкая отяжелевшие веки.

Оставалось только надеяться, что заунывное чтение мадам Моттвиль усыпит королеву скорее, чем её сонные мысли захватят новые вопросы и загадки. Что же до того, чтобы провести остаток ночи в постели, то у мадам де Ланнуа не было иллюзий на счёт щедрости фортуны к её собственной персоне. Да и возможно ли лечь в постель и пытаться заснуть, когда стрелки на циферблате каминных часов уже показывали половину шестого. Мадам де Ланнуа слегка улыбнулась, подумав, что это были часы из числа тех немногих, которые всё ещё исправно показывали точное время дня и ночи.

– Мари! Мари! – герцогиня негромко позвала камеристку, предпочитая в столь ранний час не звонить в колокольчик.

Ей пришлось ещё трижды позвать девушку, спавшую в соседней комнате, чтобы разбудить её.

– Доброе утро, мадам, – прикрывая ладонью глубокий зевок, пробормотала девушка, заглянув в комнату. – Вы уже поднялись?

– Да, если можно так сказать, – с долей иронии ответила мадам де Ланнуа.

То, что произошло в ночи, когда её подняли с постели су-

матуха в коридоре и громкие мужские голоса, было похоже на самый настоящий штурм. К счастью, девичий сон был достаточно крепким, и Мари, как и большинство юных обительниц комнат фрейлин в апартаментах королевы, не оказалась свидетельницей поднятого той ночью дворцового переполоха. Другое дело – бедняжка Элоиза – вот кому довелось пережить самую кошмарную ночь в своей жизни. Мадам де Ланнуа искренне переживала за юную компаньонку и гадала, смогла ли бедняжка сомкнуть глаза и уснуть после всего, что приключилось с ней.

– Завтрак, мадам? – всё ещё заспанная Мари нерешительно посмотрела на часы – вряд ли можно было рассчитывать на разнообразное меню в буфете в столь ранний час.

– Нет, благодарю. Сначала умываться. Я хочу привести себя в порядок, – распорядилась герцогиня. – И пригласи мадемуазель Соланж, белошвейку королевы. Я хочу попросить её кое о чём. И да, Мари! Минутку, моя дорогая! Попроси мадам Лекок заглянуть ко мне. Надеюсь, что она и её муж уже поднялись.

– Да, мадам. Я загляну к ним первым же делом.

Казалось, что утро начиналось, как обычно – не раньше и не сумбурнее, чем всегда. И всё-таки ночные события заставили мадам де Ланнуа изрядно поволноваться. А, кроме того, изменить свой обычный утренний распорядок: отменить молитву и встречу с духовником; чтение докладных записок от Дезуша и старшей кастелянши двора королевы;

личную беседу за чашечкой горячего отвара из трав с мадемуазель Шанье и личной камеристкой королевы; выбор платьев для выходов и даже скромный завтрак. Вместо всего этого герцогиня намеревалась пригласить к себе на завтрак крестника – маркиза дю Плесси-Бельера. Того самого молодого человека, которого королева порекомендовала графу де Сент-Эньяну в качестве помощника в расследовании дела о часах.

– Мадам Лекок уже здесь, – предупредила Мари, вернувшись с большим кувшином в руках. Густой пар поднимался от горячей воды, мгновенно вызвав испарину на оконном стекле.

– Позови её сейчас же, Мари. Дело срочное.

Прежде, чем в комнату вошла старшая кастелянша покоев королевы, мадам де Ланнуа набросила на плечи тёплую шаль и сменила ночной чепец на тонкую вуаль из чёрного кружева.

– Доброе утро, мадам Лекок, – герцогиня приветствовала кастеляншу вежливым кивком в ответ на короткий книксен.

– Доброго утра и вам, мадам. Будут ли приказания относительно белья для её величества? Я заметила белошвейку в коридоре у ваших дверей. Помилуйте, мадам, я сама проверяла всё бельё, которое прислали дворцовые прачки! Там не было ни единой прорехи, клянусь святой Маргаритой!

– Мадам Лекок, мне нужен ваш муж, – мягко перебила герцогиня. – Надеюсь, месье Лекок уже поднялся? В его ведомстве есть кто-нибудь, кого можно послать с поручением

в такой ранний час?

– Это во дворце, мадам? – с живостью в голосе и нескрываемым любопытством уточнила кастелянша.

– Нет, в город. Если точнее, то необходимо послать гонца в особняк на Королевской площади.

– Ах, вот оно что, – то, что этот вызов к старшей статс-даме двора королевы не касался её службы, сразу же принесло облегчение мадам Лекок. Она просияла в улыбке и поспешила заверить мадам де Ланнуа в готовности её мужа и его подчинённых исполнить любое поручение.

– В таком случае, я прошу передать эту записку лично в руки маркизу дю Плесси-Бельеру. Он живёт в отеле Бельер. Это на Королевской площади. Только пусть ваш муж проинструктирует гонца, что необходимо передать записку лично в руки маркизу. И обязательно дождаться ответа. Это очень важно.

– Конечно же, мадам! Всё будет сделано, не извольте волноваться, – пряча записку за корсаж, ответила кастелянша и поспешила удалиться.

Глава 7. Лабиринты Лувра и золотой песок Утро. Лувр, галерея Войны. Дворцовые коридоры. Сады у набережной

– Бонтан, любезный, посветите-ка сюда, – герцог де Грамон указал на старинный гобелен.

Это было огромное полотно с потускневшим от времени рисунком из полинявших нитей. Не примечательное ничем особенным, оно не выделялось среди прочих, таких же старых и выцветших гобеленов, украшавших стены длинной галереи. Разве что изображённая на нём сценка охоты несколько выбивалась из серии идиллических пейзажей с отарами овец и видами горных склонов древней Аркадии.

– Сюда, ваша милость? – спросил Бонтан.

Подходя ближе, он едва не поскользнулся. Огонь свечи в его плоске всколыхнулся от резкого движения, и целый сноп искр взметнулся вверх, рассекая сумерки, в которые была погружена самая старая и редко посещаемая часть дворца.

– Эти туфли доведут меня до могилы, – проворчал камердинер Его величества, кляня утренние туфли, которые он

не успел сменить перед выходом. Мягкие подошвы новых, сшитых по личному заказу туфель так и норовили разъехать-ся в разные стороны на гладких паркетных полах.

– Да. Сюда, мой дорогой Бонтан. И осторожнее с факелом! Не ткните огнём прямо в полотно, – предупредил его де Грамон. – Эти древности имеют весьма специфический запах при горении. Он и за десяток лет не выветрится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.